

18+

НОВАЯ ДРАМАТУРГИЯ

ЯРОСЛАВА ПУЛИНОВИЧ
ЗА ЛИНИЕЙ
Пьесы, киносценарии

издательский дом

Выбор Сенчина

Ярослава Пулинович За линией. Пьесы, киносценарии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29827798

ISBN 9785449035851

Аннотация

Пьесы Ярославы Пулинович идут во многих театрах страны и зарубежья. По сценариям сняты художественные фильмы. Наверняка режиссёров привлекают не только сюжетные коллизии, но и язык – язык настоящей русской литературы. Пулинович умудряется соединять в своих пьесах и сценариях и сугубый реализм, и сюр, мистику, сказку. А в итоге получается свежий, оригинальный, предельно достоверный срез современной жизни, что исчерпывающе демонстрируют произведения, составившие этот сборник. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Учитель химии	5
За линией	56
Я не вернусь	128
Конец ознакомительного фрагмента.	147

За линией

Пьесы, киносценарии

Ярослава Пулинович

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Ярослава Пулинович, 2018

ISBN 978-5-4490-3585-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Учитель химии

Пьеса-рассказ

Перед уроками

Я сижу на заднем крыльце школы. Курю, читаю газеты – сейчас это модно – быть в курсе политических событий. Раннее утро. Я всегда прихожу в школу раньше всех. По крайней мере, в этом году. В конце лета мама уехала в командировку и надолго. Какие-то исторические раскопки древнего поселения славян. Теперь я живу с маминой двоюродной сестрой. Она премерзкая – пичкает меня макаронами и целыми днями читает любовные романы. Я выхожу из дома в семь двадцать. Если нет первого урока – просто слоняюсь по парку Победы или иду на пристань и читаю там. По-другому нельзя, иначе тетя Даши обязательно заставит меня собирать своих детей в детский сад. У нее их двое – Миша и Алина. Миша еще ничего, он умеет надевать все, кроме верхней одежды. А Алина постоянно жалуется, что ей все колет, жмет и мешает. Ужасно избалованный ребенок. Поэтому я встаю раньше всех и ухожу из дома первая. Вставать рано – сущая мука, но общаться с двумя маленькими монстрами – мука еще большая.

Я живу в небольшом городе. Вернее даже не так – я живу в очень маленьком городе, почти в поселке. Здесь очень красивые леса, замечательная река, хорошая экология... Здесь все друг друга знают, при встрече здесь принято здороваться и спрашивать про здоровье. Здесь все интересуются друг другом, но никто никого не любит...

Газета мне уже надоела, поэтому я сижу и смотрю по сторонам.

На самом деле это даже интересно – наблюдать, как подтягиваются в школу ребята из нашего класса. Первой всегда приносится Марго. Никто не знает, кто она такая. Она пришла к нам в школу недавно, переехала вместе с родителями из соседнего города. Техномузыка и дискотеки – это ее тема. Но в нашем клубе на дискотеках ставят только «Руки вверх», поэтому с нами Марго не по пути. Об этом она громогласно заявила нам еще в начале осени и о своей жизни больше ничего не рассказывала. У Марго красивые глаза и гибкое тело. Как-то раз по секрету она проговорила мне, что уже два раза пробовала кокаин и ей совсем не нравятся мужчины.

На крыльце школы появляется Марго. Это рослая девочка в оранжевой куртке и шапке.

МАРГО (мне). Привет! Чего сидим?

Я. Потому что стоять, в конце концов, надоедает.

МАРГО. Ну и зря! От сидячего образа жизни геморрой случается. Это я вчера в книжке прочитала. Я даже на автобусах не езжу – скучно и долго. Сидишь, а вокруг ничего не меняется. Нет движения, понимаешь? Все сидят, кто книжечки умные читает, кто на жизнь жалуется, а прогресса никакого, вот. Надоели они мне уже до смерти своими заезженными лицами.

Я. Это тебе так кажется, потому что ты их не любишь.

МАРГО. Может быть и так. Я вообще мало кого люблю, но мне хватает. А больше всего на свете я люблю свою собственную тень – она всегда подтянута, весела и ни капли лишнего веса!

С этими словами Марго взмахивает руками и исчезает за дверями школы.

Вслед за Марго на крыльце появляются двое – Михалыч и Паша.

ПАША. Это всё трава вчерашняя. Иду по улице – и, прикинь, мне кажется, что я в Турции. Реально так. Вокруг дети бегают, такие же, как у нас, там все как у нас – и садик и площадка. Так вот, дети такие же, а разговаривают по-турецки. Я ни черта не понимаю, ну, думаю, все – то ли у меня крыша поехала, то ли на самом деле провалы в памяти. А че, прикольно так было бы, раз – и в Турции. Вокруг девушки красивые – солнце, море, ляпота, в общем.

МИХАЛЫЧ. Ну, ты, Пашка, и гнать. Какие девушки, у тебя хоть одна-то была?

ПАША. Ну не было, ну и че? У тебя, что ли, были? А в Турции, говорят, все по-другому. Там на любую посмотри – и все, твоя.

МИХАЛЫЧ. Много ты знаешь о Турции. Обкурился, вот и несешь фигню всякую. Ладно, кончай гнать, скоро звонок. У нас какой первый?

ПАША. Биология, вроде.

МИХАЛЫЧ. Биология-хренология, чтоб ее. Есть курить?

ПАША. Не-а. Мне предки еще неделю ничего не дадут. Плохо учишься, говорят, не фиг.

МИХАЛЫЧ. Вон, давай у Таньки спросим, у нее есть, наверное.

Подходят ко мне. Я сжимаюсь изнутри, но вида не подаю.

МИХАЛЫЧ. Привет, Танюха. Есть сиги?

Я. Не курю.

МИХАЛЫЧ. Чё, крутая, да? Не курит она, ага, так я и поверил. Есть сиги, спрашиваю?

Я. Сказала же...

Стараюсь на них не смотреть. Знаю, чем все это заканчивается. Что поделатъ, я – изгой класса. Хреновая, надо сказать, профессия.

МИХАЛЫЧ. Слушай, последний раз по-хорошему спрашиваю. Пока спрашиваю две и вежливо, а потом будет – всю пачку и больно. Усекла?

Я молчу. Михалыч делает мне «кrapиву» – стягивает кожу на руке в разные стороны. Мне больно. Но уже не так, как раньше. Я привыкла...

ПАША. Михалыч, не приставай к ней.

МИХАЛЫЧ. Ты чё, за нее заступаешься, что ли?

Через два года отец Михалыча умрет от туберкулеза, а мать сопьется. И тоже умрет. Михалычу придется бросить училище и вкалывать на двух работах, чтобы прокормить трех малолетних сестер. Потом сестры вырастут – двое из них станут проститутками, а третья, самая младшая, выйдет замуж за американца и уедет жить в Штаты. Она родит двух очаровательных близняшек и возглавит клуб молодых матерей в своем американском городе. И никогда, никогда и никому она не расскажет правды ни про отца, ни про мать, ни про брата и сестер, ни про страну под названием Россия.

Но Михалыч об этом еще ничего не знает.

ПАША. Очень надо. Она обдолбанная, кажись. Пойдем

лучше у Сереги спросим.

МИХАЛЫЧ. Не, подожди, с этим надо разобраться. (Мне.) Ты чё, фея лесная, так и не поняла вопроса?

Михалыч с силой трясет меня за плечо. Я улыбаюсь. Мне нравится отвечать спокойствием на выпады этих отморозков. Годы долгой практики – и никакого усилия воли. Я молча вынимаю пачку «Явы», достаю из нее сигарету за сигаретой и ломаю их по очереди, кидая обломки на бетон школьного крыльца. Потом медленно ухожу. Паша с Михалычем оторопело смотрят мне вслед. Я знаю, они подберут поломанные сигареты. Потом будут курить их и обзывать меня сумасшедшей дурой. Мне это даже нравится.

К школе подходят три девчонки из нашего класса. Маша, Ира и Лена. Они похожи друг на друга, как сестры. Но Маша у них руководит. А остальные – так, просто строят из себя крутых.

МАША. Я вам говорю, это он был. Он! Я его вчера в клубе видела. Спортивный такой. И сразу видно – деньги водятся. Это тот самый, который с нами тогда на улице знакомился, помните? Он меня тогда еще до дому провожал.

ЛЕНА. И чё, ты подошла к нему?

МАША. Ага, щас. Он меня уважать после этого не будет. Подумает, что я бегаю за ним.

ЛЕНА. А может, он лох какой-нибудь просто? Ну, косит

под крутого, а сам – ни то, ни се. У меня такое было один раз.

МАША. Ты че, у меня на такие дела нюх острый. От него бабками за три километра несет. Да ты бы видела, как вокруг него девки крутятся. Только они все старые. Лет по двадцать. И зубы у них искусственные, я видела. И грудь тоже. Короче, девчонки, я узнала его адрес, так, знакомый один подкинул. Так что сегодня, после уроков, идем туда, это недалеко здесь и караулим его. Ну, как бы невзначай встретились. Я тачку его запомнила. Ваша роль – молчать и улыбаться. Поняли?

ЛЕНА. Ну, как всегда, все самое лучшее тебе достается.

МАША. Слушай, с твоей рожей я бы на твоём месте вообще помалкивала. Вон, у Ирки хоть списывать можно. А у тебя? Ни ума, ни фантазии.

ЛЕНА. Да пошла ты со своими крутыми парнями! Я себе лучше найду. Мне, между прочим, Стас предлагал встречаться. А ты в него полгода влюблена была, как кошка!

МАША. Ага, конечно. Делать мне больше нечего. Если хочешь знать, Стасу ты нужна была как корове седло! Это он так, по пьяни предлагал.

К девчонкам подходит Артур – спортсмен, комсомолец и просто красавец.

АРТУР. Что, девочки, ссоримся?

МАША. Нет, биологию учим!

АРТУР. Ну, молодцы, хорошие девочки. *(Подходит*

к Ире, обнимает ее за плечи.) Ну что, Иринка – картинка, дашь сегодня контрольную списать по алгебре?

ИРА. Ну, не знаю...

МАША. Да даст она! Она тебе что хочешь даст.

АРТУР. А ты не вмешивайся! Ну, так что, договорились?

Ира кивает головой.

АРТУР. Вот и молодец, хорошая девочка. Будешь этой.... Софьей, как ее там.

ИРА. Ковалевской.

АРТУР. Во-во, ею и будешь. (*Смеется.*)

ЛЕНА. Это хоть кто?

Я. Математик.

Все удивленно поворачиваются в мою сторону. Выпенд-рилась на свою голову...

АРТУР. Смотрите, девчонки, наша принцесса заговорила. А я думал, она только сопли пускать умеет.

ЛЕНА. А че, Софья-то эта, она хоть красивая была?

МАША. Зайди в кабинет алгебры и посмотри. Она там на стенке висит. Баба как баба, не топ-модель, прямо скажем...

На крыльце школы появляется Слава Логинов. Это наш

новенький. Его перевели к нам из восьмой школы за неуспеваемость. В нашу школу всегда сплавляют всех двоечников и неудачников. Слава, как и я, – изгой класса. Правда, мы с ним не общаемся. У Славки длинные темные волосы и синие глаза. Он не похож на других, но он такой же, как и они. Он так же ругается матом и так же пьет перед занятиями. Правда, на дискотеки он, как и я, не ходит. Он странный... Он часто прогуливает школу, хотя контрольные всегда пишет на отлично. Двойки в четверти у него выходят не из-за этого – просто учителя не терпят грубости и безразличия к себе. А с этим у Славки проблемы. Он всегда говорит людям в лицо все, что о них думает. И думает он о людях, как правило, не очень хорошо. За это Славку часто бьют, но он никогда не плачет.

Славка уже даже и не пытается пройти незамеченным, он понимает, что это бесполезно. Оно и вправду, не проходит и минуты, как к Славке подруливают Михалыч с Пашей.

МИХАЛЫЧ. Привет, телепузик! Как жизнь?

Славка пытается пройти мимо.

МИХАЛЫЧ. Эй, ты че, офигел что ли? Или ты нас не уважаешь, а?

СЛАВА. Идите вы...

МИХАЛЫЧ. Ой, боюсь, боюсь... Тебе че, поздороваться, что ли, сложно?

СЛАВА. Сложно. Отвалите.

МИХАЛЫЧ. Ну, это дело поправимое. Сейчас мы тебя быстро научим здороваться со старшими. Ну-ка, ногу мне поцеловал и сказал: «Здравствуй, господин!»

СЛАВА. Пошел ты!

МИХАЛЫЧ. Ты не понял, что ли? Твое дело – слушать и исполнять. Че ты лыбишься?! Зубы лишние, что ли, есть?

Михалыч сегодня явно в хорошем настроении.

СЛАВА. Дай пройти!

ПАША. Ладно, пусти его. Чё ты пристал к нему?

МИХАЛЫЧ. А просто так! Чё он такой? Ходит все время бледный, глаза красные, как у вампира. Книжки что ли по ночам читает?

МАША (*встревает в разговор*). Ага, книжки читает! В инете он сидит и денежки себе ворует. У кого-то денежки лежат на счету, в банке, а он раз-раз, – пару кнопок нажал – и все – были деньги и сплыли. Он у нас умный. Тему счет, богатым стать хочет.

МИХАЛЫЧ. Ты че, парень, правда, в компьютерах понимаешь? Молодец! А у моего папаши деньги тоже в банке лежат, кстати. Щас все так делают, ну и он тоже. С каждой зарплаты по триста рублей откладывает. Мать говорит,

на похороны себе копит. Чтобы перед людьми не стыдно было... А ты, что же, падла, и у моего отца деньги ворует, да? Он вкалывает весь месяц на заводе, спину гнет, а ты – раз-раз и украл, так, что ли?

МАША. Было бы, что у твоего отца воровать. Лежат там какие-нибудь вшивых сто баксов.

МИХАЛЫЧ. Замолкни, кукла!

Слава пытается проскользнуть в школу. Паша преграждает ему дорогу.

МИХАЛЫЧ. Эй, стой. Мы так и не договорили. Так ты че, правда хакер?

Славка стоит и делает вид, что ему совсем не страшно. Я ему даже верю...

СЛАВА. Нет, отвяжись.

МИХАЛЫЧ. Сука! (*Бьет Славу в лицо.*) У моего отца там все лежит – все бабки, которые он накопил, а ты, раз-раз – и все? Так, да? А потом – солнце, море, ляпота?

Слава падает на бетонный пол.

МИХАЛЫЧ. Слушай меня внимательно – если у моего отца хоть одна ржавая копейка со счета пропадет, ты за всю

жизнь у меня потом не расплатишься. Ты у меня шлюхой на панель пойдешь работать, понял? Крыса патлатая!

Паша подходит к Славке, тихонько пинает его в живот, смотрит при этом на Михальча.

ПАША. Сука!

Девчонки спокойно смотрят на происходящее. Ира жметя к Артуру, тот делает вид, что ничего не произошло.

Михальч предпочитает исчезнуть – лишние проблемы ему ни к чему.

Слава встает с пола. Крови почти нет, ну разве что ссадина на лбу.

СЛАВА. Придурки!

ПАША. Чё ты сказал?

СЛАВА. Ничего.

Пытается уйти. Артур делает ему подножку, Слава опять падает, на этот раз сильно.

В это время появляется учитель истории Николай Геннадьевич. Он, как всегда, подтянут и косоглаз. Николай Геннадьевич смотрит на нас, как боярин на холопов. Раньше он работал адвокатом в соседнем городе, но что-то у него

там не сложилось. Ходят слухи, что он чего-то не поделил с прокурором, но это все только догадки. Своих учеников, то есть нас, Николай Геннадьевич в открытую презирает, хотя свято уверен, что мы этого не замечаем. Когда в классе он смотрит на нас, никогда не знаешь, кого он выбрал сегодня своей очередной жертвой. Потому что один глаз у него всегда смотрит в пол, а другой влево. И оба эти глаза презлющие.

Все здороваются с учителем.

Я. Здравствуйте, Николай Геннадьевич.

НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Здравствуйте. Что тут у вас? Артур, брось сигарету.

АРТУР. Я не курю, Николай Геннадьевич.

НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Ну-ну. А что там у тебя в кулаке зажато?

АРТУР. Газета.

НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Революционная?

АРТУР. Ага, типа того.

НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Ну, хорошо, сегодня на уроке перескажешь содержание. Пусть остальные порадуются. А что у нас с Логиновым?

АРТУР. Спит.

НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Прямо здесь?

АРТУР. Устал, наверное. Он же у нас по ночам работает.

НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Золушка двадцать первого

века, просто.

Нагибается к Славе, поднимает его голову.

НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. А что у него на лбу?

АРТУР. Об косяк ударился.

ПАША. Сначала выкурил, а потом ударился!

НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Хороший был косяк. Накачаный... Ладно, чем выше детская смертность, тем ниже детская преступность. Отнесите его в медицинский кабинет. И поактивнее – до звонка пять минут.

Николай Геннадьевич уходит.

МИХАЛЫЧ. Папаша Коля дал революционное задание. (*Наклоняется к Славе.*) Эй, ты, чудик, вставай, на урок опоздаешь!

Трясет Славу за плечо.

Слава встает, идет к дверям школы. Движения машинные, как у робота.

АРТУР. Ай, молодец! Ну и что, что он зомби, зато он встал и пошел!

Звонок. Крыльцо школы пустеет, биология – это тебе

не ОБЖ. Хочешь, не хочешь, а учить надо. Там Клавдия Михайловна – женщина-вамп. Из кого угодно кровь высосет. Все, до последней капли.

Звонок с урока. Перемена первая

Я сижу на заднем крыльце школы. Я прогуляла биологию. Я часто прогуливаю уроки, особенно информатику и биологию. Они мне не нравятся, претят своей натуралистичной сущностью. Я не боюсь Клавдии Михайловны. У нее нет мужа, зато есть любовник, который живет за ее счет. Нашел, кого обманывать. Учительницу биологии! Но этот любовник неприхотлив и даже интересен. Он умеет играть две песни Битлов и одну Nirваны. Правда, он ужасно фальшивит, но это ничего – у Клавдии Михайловны нет слуха. По сути дела, она несчастная женщина, но мне ее совсем не жалко.

На крыльце никого нет, хотя звонок уже давно прозвенел. Просто одна половина класса все еще записывает домашнее задание, а другая курит в туалете. После первого урока мои одноклассники всегда курят в туалете, на первом этаже.

К школе медленно идет Федор Иванович. Это наш учитель химии. Немного странная, но легендарная фигура в нашей школе. Федор Иванович подходит ко мне, садится рядом, на скамейку.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Здравствуй, Таня. А ты почему одна?

Я. Потому что я прогуляла биологию.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Зря... Но тебе, конечно, не стыдно?

Я. Нет.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Ну, все правильно, Таня. Нельзя стыдиться того, что тебе не нравится скука. Хотя, ты знаешь, биология – хороший предмет. Его портит только одно.

Я. Приземленность?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Нет. Клавдия Михайловна.

Молчание. Я не знаю, что сказать этому старому чудачку, а он и не спешит ничего говорить.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Ты веришь в теорию случайности?

Я молчу, поскольку не совсем понимаю, что это такое. Но интуитивно чувствую, что разговор переходит в русло какой-то нудятины, поэтому думаю, под каким предлогом мне смотреться отсюда.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. А я верю. Верю, потому что иначе нельзя. Но ведь он придет, Таня?

Я. Кто?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Парень с синими глазами и темным каре. Я знаю, что он придет, Таня. Он опередит всех вас

на много веков вперед. И только его, его одного можно будет учить. Учить, понимаешь, Татьяна, учить, а не мучить.

Я (*неуверенно*). Понимаю.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Я часто ищу его в толпе учеников. Думаю, а может он здесь. А может это я, старый дурак, не замечаю гения среди посредственностей?

Я понимаю, что Федор Иванович, как всегда... Нужно сматываться, но я не знаю, как. Звонит звонок.

Я. Извините, Федор Иванович, мне пора.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Иди... Только он придет. Когда-нибудь обязательно придет. Синеглазый парень с длинным каре. Ты не обращай внимания, что я иногда выпиваю... Но ты помни, Таня, он обязательно придет. Может, сбежит из дома, может, оборванный, может, пешком. Как Ломоносов, Таня, понимаешь?

Я киваю и быстро исчезаю за дверями школы.

Звонок с урока. Перемена вторая

На заднее крыльцо школы подтягивается народ. Выходит Михалыч с Пашкой, девчонки, одноклассники мои ненаглядные, в общем. Утопила бы их всех или топориком зарубила бы, как Раскольников. Но нет во мне маньячных та-

лантов. Все курят. Ну, я тоже курю, не для того, чтобы быть как все, а так, дурная привычка.

АРТУР. Люди, вы как насчет экзаменов вообще? Сами или родители помогать будут?

МАША. Я сама. Отец мог бы, но не будет. Он у меня принципиальный в этом плане.

АРТУР. Не повезло тебе. А у меня папаша сразу сказал, мол, одиннадцать классов – фигня. Это не деньги даже, так, копейки. Главное, потом, институт.

МИХАЛЫЧ. А ты куда собрался?

АРТУР. В Москву, куда же еще-то? Москва – это сейчас, все. Столица, мать ее! На финансовый. Если у папаши все срастется. А если нет, то в архитектурный, там дешевле. А ты куда потом пойдешь?

МИХАЛЫЧ. А тебе какая разница?

МАША. В ПТУ он пойдет, у него родители на большее не потянут.

МИХАЛЫЧ. Дура крашенная! Я, может, в МГУ собрался!

Все смеются.

МАША. В МГУ! Ну ты загнул. Да тебя в педагогический даже не возьмут! На рожу твою посмотришь – и сразу все понятно. В МГУ! Ну ты, блин, даешь!

МИХАЛЫЧ. Да идите вы все! Со своими папашами и ма-

машами. Блин, ну че за фигня, все настроение попортили!

Зло бросает сигарету, уходит.

На крыльцо выходит Клавдия Михайловна. От нее никто даже и не прячется уже. Ну, девятиклассники еще пытаются сделать вид, что они тут не при чем, так – свежим воздухом подышать вышли, а однокласснички мои, те уже ничего не пытаются, а зачем, и так все понятно.

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. Девятый класс, бросили сигареты, зашли в школу!

Девятиклассники робеют, бросают зажатые в кулак сигареты, потихоньку рассасываются.

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. Одиннадцатый, хрен с вами, курите сколько влезет. Все равно уйдете через три месяца. Что за поколение пошло, а? Таня, тебя почему на уроке не было?

АРТУР. А ей зачем? Она у нас и так, типа, умная.

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. Тебя не спрашивают, Артур! Так почему тебя не было?

Отмазываться поздно, да и не хочется. Не то настроение.

Я. А я сегодня умерла перед первым уроком, Клавдия Михайловна.

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. А зачем тогда в школу пришла, если умерла?

Я. А я потом воскресла.

Клавдия Михайловна смотрит на меня почти по-матерински заботливо, качает головой, щурит близорукие глаза.

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. Доведете вы меня когда-нибудь. Все.

МАША. Вы тогда в монастырь уйдете, Клавдия Михайловна?

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. Нет, возьму автомат Калашникова, поставлю всех к стенке и расстреляю. И не дай вам Бог дожить до этих светлых времен.

Достает из сумки пачку «Явы», закуривает.

АРТУР. Клавдия Михайловна, бросьте эту гадость, возьмите лучше «Парламент».

Протягивает учительнице пачку сигарет.

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. Я бы на вашем месте, Артур, постыдилась бы такое предлагать учителю.

Учительница смотрит презрительно на Артура, берет у него сигареты, внимательно их рассматривает, достает одну, закуривает. Остальную пачку кладет к себе в сумочку, уходит.

ПАША. Во дает!

ЛЕНА. У нас какой следующий урок?

МАША. История, кажись.

АРТУР. Вот невезуха, а! Я домашку не сделал. Иринка, дашь перекатать?

ИРА. Дам. Только он все равно не поверит, что ты сам это сделал.

АРТУР. Куда он денется! А если не поверит, то мне вообще фиолетово, честно говоря. На экзамене все равно «отл» поставит. Ему деваться некуда – семья, дети, все такое.

ПАША. Ну и скотина же ты, Артур.

АРТУР. Чё ты сказал? Кто скотина, ну-ка повтори!

ПАША. Ты! Привык все проблемы за папин счет решать!

АРТУР. Эй, парень, ты гони да не загоняйся!

ПАША. Да идите вы все! Достали, дальше некуда. Окончу школу и пойду в пед назло всем!

АРТУР. Во-во, туда тебе и дорога! Пидовка!

ПАША. Потом сами же ко мне своих детей учиться приведете! Я вам слово даю, что на первом же уроке их завалю. Хоть миллион долларов предлагайте. Назло таким, как ты!

АРТУР. Ага, конечно, аж рассыпался весь в предложениях!

ПАША. Уроды!

Паша нарочно громко хлопает дверью, заходит в школу.

МАША. Они чё, все сговорились, что ли, сегодня?

АРТУР. А хрен их знает. Травы вчера перекурили. Да ладно, не грузись. Сами потом еще придут. У меня денюха через месяц. Вот увидишь, через неделю на цыпочках ходить будут, только бы пригласили их.

МАША. Ну, мы-то, надеюсь, в списках?

АРТУР. Посмотрим. Там люди серьезные будут, Маха, понимаешь? Им нравятся умные девушки, как Иринка, например. Сечешь?

Маша фыркает, берет под руку Лену, уходит. Ира остается одиноко стоять на крыльце школы. Без девчонок она стала как будто бы еще меньше. Ей одной и курить неловко, да и не умеет она – так, вдохнет дым и выдохнет, не затягиваясь.

АРТУР. А ты чё осталась?

ИРА. Так.

АРТУР. А ты одна вообще никуда не ходишь?

ИРА. Почему? В магазин хожу одна. За продуктами. Ну,

в театр иногда.

АРТУР. Ого! Ты еще и в театр ходишь! И как, нравится?

ИРА. Когда как.

АРТУР. Придешь ко мне на день рождение?

ИРА. Приду.

АРТУР. Точно?

ИРА. Точно.

АРТУР. Окей, договорились. И не красься, тебе это не идет. И не сутулься!

ИРА (*выпрямляясь*). Хорошо.

АРТУР. И дур этих не слушай.

Ира молчит.

Звенит звонок.

АРТУР. Ну все, иди, а то на урок опоздаешь.

Подталкивает ее к двери. Ира уходит.

Артур стоит на крыльце, задумчиво смотрит в небо. Если не знать его мелкой натуры, то можно и вправду решить, что он поэт.

АРТУР (*мне*). А ты почему не идешь на урок?

Я. Не хочу.

АРТУР. Думаешь, одна такая, да? Я вот тоже не хочу, а что делать? Посещаемость, мать ее, должна соответство-

вать.

Я. Я домашку не сделала.

АРТУР. Я, что ли, сделал? На уроке у Иринки перека-
таю, перед звонком сдам. Это ж просто, как два пальца об ас-
фальт. Чего ты грузишься? Все хорошо.

*Артур подходит ко мне, треплет мне волосы. Я недо-
уменно смотрю на него. Странные у меня одноклассники
все-таки.*

АРТУР. Ну чего ты? Через три месяца мы окончим шко-
лу и разведемся, кто куда. И будем вспоминать друг о друге
только по глубокой пьяни. А если лет через двадцать и встре-
тимся случайно на улице, то вполне возможно, что даже
не узнаем друг друга в лицо, просто пройдем мимо и все...
Так что стоит ли переживать? Странная ты... Недаром тебя
сумасшедшей считают.

*Артур наклоняется ко мне, целует меня в щеку и быст-
ро уходит. Я ошарашено смотрю ему вслед. Уж если у кого
и не в порядке с головой, так это уж точно не у меня. Я
сизжу неподвижно. Минута, десять, двадцать. Я не пошла
на урок истории, потому что не люблю оправдываться. Я
и в самом деле не сделала домашнее задание. Мне не хочется
придумывать причину, к тому же причина слишком очевид-
на, как для меня, так и для Николая Геннадьевича – было*

просто лень. Другой педагог может и простил бы, но только не наш историк. Для него уважительная причина, по которой ученик не выучил урок, только одна. Смерть ученика. И то скоропостижная, потому что, по убеждениям нашего чокнутого папы Коли, если бы ученик знал, что он умрет, он бы обязательно выполнил домашнее задание. Мимо меня проходит Федор Иванович. Он разговаривает сам с собой. Ходят слухи, что его давно хотят отправить на принудительное лечение в психдиспансер. Но учителей в школе немного, а учитель химии – всего один.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Вечного двигателя первого рода не существует. А он существует. Наверняка существует. Мы с тобой вместе изобретем этот вечный двигатель первого рода. И ты получишь Нобелевскую премию, а я буду смотреть тебя по телевизору. И думать – что вот он, смысл моей жизни. Вот для чего я тридцать лет учил тупиц. Чтобы, в конце концов, найти тебя. Найти единственного из тысяч. А потом ты каждое лето будешь приезжать сюда, в наш город. И по вечерам мы будем уходить к реке. Я буду рассказывать тебе последние новости нашего города, а ты будешь слушать и записывать что-то в своей тетрадке. Новые формулы и изобретения. Я не буду уже понимать их смысла. Я буду уже слишком стар для этого.

Федор Иванович садится на ступеньки крыльца. Я не ре-

шаюсь подойти к нему. Уж слишком сумасшедший в эти минуты у него вид. На крыльцо школы выходит Славка Логинов. Выражение лица у него озлобленное и отчаянное. Славка достает сигареты, курит, задумчиво смотрит на Федора Ивановича. Учитель химии поворачивается к нам.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. А, это ты, Таня. Опять прогуливаешь... Как тебя еще только не выгнали...

Я. Ума не приложу, Федор Михайлович.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Ты бы поосторожнее, Таня. На педагогическом совете уже два раза ставился вопрос о твоём исключении.

Я грустно усмехаюсь. Какое мне дело до их паршивых педагогических советов!

В этот момент Федор Иванович замечает Славку, который стоит в стороне, совершенно не обращая внимания на происходящее.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Логинов, курение на территории здания школы запрещено. Спуститесь с крыльца.

СЛАВА. Идите на!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Что вы себе позволяете, Вячеслав!

СЛАВА. Сказал же!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ (*саркастично*). Извините, не уловил суть вашего изречения.

СЛАВА. Фе-дор И-ва-но-вич, и-ди-те на хуй!

Федор Иванович хватает Славу за руку.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Я, я тебя сейчас к директору отведу! Это невысказано, это просто переходит все рамки дозволенного! Это нонсенс! Вы понимаете, что вас исключат!?

СЛАВА. Понимаю, на хуй идите!

Лицо Федора Ивановича странно искажается.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Ублюдок, скажи еще хоть слово, еще хоть слово мне скажи и я клянусь тебе, добьюсь твоего исключения. Мало того, я добьюсь, что тебя ни в одно ПТУ потом не возьмут. Падла малолетняя!

Федор Иванович аж дрожит от возмущения и пытается силой увести Славу. Славка резко вырывает руку из рук учителя.

СЛАВА. Отвалите от меня, поняли? Я сам уйду! Только отстаньте от меня. Плиз!

Федор Иванович продолжает попытки насильно отвести Логинова к директору. Славка в очередной раз вырывается и с силой бьет Федора Ивановича по лицу. Федор Иванович отшатывается к стене, закрывает лицо рукой – из губы

у него течет кровь.

СЛАВА. Сэнк ю вери мач!

Спускается с крыльца, уходит куда-то в глубь школьного двора. Федор Михайлович вытирает кровь рукавом.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Вечный двигатель первого рода существует... Вечный двигатель первого рода существует... Вечный двигатель первого рода...

Голос Федора Михайловича постепенно переходит на шепот, и уже нельзя разобрать, что там бормочет себе под нос этот обезумевший старик.

Я встаю, спускаюсь с крыльца, медленно бреду по школьному двору. Недалеко от меня, на детских качелях сидит Славка. Он вытаскивает из пачки сигареты и ломает одну за одной, точно так же, как я час назад. Я подхожу к нему, сажусь рядом. Руки у меня дрожат, становятся липкими и противными, а нос, наоборот, холодным.

Я. Зачем ты так?

СЛАВА. Уходи.

Я. Славка, это все пройдет. Это переходный возраст, понимаешь?

СЛАВА. Сказал же, катись отсюда!

Я делаю глубокий вдох и обнимаю Логинова за плечи. Он не вырывается, но и не реагирует.

СЛАВА. Я сегодня уезжаю...

Я. Куда?

СЛАВА. Не знаю еще. Если будет рейс до Москвы, то в Москву, а так – не знаю, куда получится. Меня засекли, я знаю. Я вычислил их. А они меня.

Я. Славка, у тебя температура или мания преследования.

СЛАВА. Не-а.

Он достает из школьной сумки толстую пачку денег. И не рублей.

СЛАВА. Видела? Что, круто, да? И это еще не все! Я сегодня снял со счета.

Я. Поддельные, да?

СЛАВА. Настоящие, дура!

Я. Откуда?

СЛАВА. Сказал же, со счета снял!

Я. Тебе же нет восемнадцати.

СЛАВА. Думаешь, я лох совсем! Не я же снимал, а так, знакомые. Им половина и мне. Все по-честному. А теперь мне – крышка. Кто-то меня засек.

Я. И что теперь?

СЛАВА. А ничего! Уеду куда-нибудь подальше отсюда. Сначала в Москву, потом за кордон. У меня денег хватит. Надолго еще хватит! Я в Америку хочу, там Силиконовая долина. Там Билл Гейтс живет! Настоящий Билл Гейтс, понимаешь? Там у них процессоры такие, какие нам и не снились. Мне деньги не нужны, понимаешь? Я раньше думал, что деньги нужны для того, чтобы покупать огромных розовых зайцев, а сейчас я уже не знаю, для чего они нужны.

Я. Каких розовых зайцев?

СЛАВА. А, это так. Мне мать в детстве покупала только пластмассовые игрушки. Ну, дешевые такие. Их даже сломать невозможно было. А в детском мире продавались огромные розовые зайцы. Они у всех тогда были, ну не у всех, а так, у некоторых. Я у матери три года просил такого зайца – большого такого, мягкого, розового. Она всегда обещала, но так и не купила. Зато купила компьютер, ей по работе надо было. Через полгода я взломал первый счет в банке. И купил себе сразу пять таких розовых зайцев. Принес домой и понял, что не нужны мне эти пять зайцев, мне нужен был только один. Всего один. И не сейчас, а тогда. Я потом подарил этих зайцев одноклассникам. И все. Больше у меня не было необходимости в деньгах. И сейчас нет. Я тебе это все рассказываю, потому что ты сумасшедшая, про это все говорят. Ты никому не скажешь, потому что сумасшедшие не предадут, я это знаю.

Славка встает с качелей, смотрит на меня в упор, протягивает мне пачку денег.

СЛАВА. На, возьми, это тебе. У меня еще есть – у меня еще много есть.

Я пристально смотрю на Славку, пытаюсь понять, у кого из нас едет крыша.

Я. Ты псих, да?

СЛАВА. Дура! На, бери, они мне ни к чему. А твоей семье деньги нужны, я слышал, девчонки говорили.

Я. Лучше своим отдай.

СЛАВА. У меня только мать. Она ими все равно пользоваться не будет. Спрячет в толковый словарь Даля и успокоится. На, бери!

Я. Да пошел ты!

Звонок с урока. Перемена третья

Я медленно бреду к школе, сажусь на скамейку и жду продолжения событий. Мне интересно, чем закончится все это умопомешательство. У Славки явно едет крыша. Я помню его еще с младшей группы детсада, хотя он вряд ли меня узнал. А я и не говорю про наше давнее знакомство. Славка тогда был такой же угрюмый и злой. Один раз он кинул

в меня кубик, а потом расплакался и убежал. Я, правда, тоже расплакалась. Ладно, я незлопамятная... Вообще-то я плохо помню события тех дней, но, клянусь вам, это был он. Его сложно забыть. У меня это так никогда и не получилось.

На крыльцо выходят мои одноклассники. Не могут и со- рока минут прожить без сигарет! Я подхожу к ним. Они, как всегда, делают вид, что не обращают на меня внимания.

Вид у моих одноклассников взволнованный и даже задумчивый, что не может не удивлять.

АРТУР. Не, я вам говорю, это фсбшник был, я сразу про- сек, в чем дело! Если бы из ментуры, то в форме бы пришел, а так – в штатском. Значит, серьезное что-то.

МАША. Я вообще офигела, когда этот дядька пришел. Не, ну я понимаю, из детской комнаты милиции, ну из уго- ловного розыска, но чтоб вот так...

ИРА. Урок сорвали... Историк весь аж покраснел от зло- сти...

ЛЕНА. А может, это и не фсбшник был, а так, просто...

АРТУР. Нет, ну ты думай, что просто-то? Просто так с улицы мужик зашел и стал расспрашивать? Кто б ему раз- решил, а?

ЛЕНА. А нам за это ниче не будет?

АРТУР. А чё нам будет? Только вы как хотите, а я в этом деле не участвую. Славка – урод, конечно, но, блин, не нра-

вится мне все это.

МАША. Да ладно, мы ж ниче такого не знаем. Был сегодня в школе, потом ушел куда-то. Мы же за ним наблюдать не приставлены.

МИХАЛЫЧ. По ходу, Славка куда-то влип.

АРТУР. Козе понятно, что ему не премию вручать приходили за заслуги перед Отечеством.

ПАША. Даже жалко его как-то, честно говоря.

МИХАЛЫЧ. А мне не жалко! Почему за мной никто не приходит? За ним приходят, а за мной нет, а? Да потому что я ничего ни у кого не ворую!

АРТУР. Нашел чем гордиться!

МИХАЛЫЧ. А че? Нечем, хочешь сказать?

АРТУР. Вот и будешь, как твой папаша, автослесарем-механиком.

МИХАЛЫЧ. Ну и пусть. Пусть. Зато нормально, зато по-честному, не так, как некоторые!

АРТУР. Эй, это ты на кого намекаешь?

МИХАЛЫЧ. На торговцев всяких...

АРТУР. На кого? Повтори-ка!

МИХАЛЫЧ. На папочку твоего, понял теперь?!

АРТУР. Как ты моего отца назвал?

МИХАЛЫЧ. Лавочником!

АРТУР. Кем-кем?

МИХАЛЫЧ. Лавочником. Лавочник он и есть, держит пять магазинов и думает, что все можно!

Артур не спеша подходит к Михальчу. А куда ему торопиться – он выше Михальча на полторы головы и шире в плечах раза в два. И ноги у Артура явно длиннее, так что некуда Мишке деваться – все равно не убежит. В общем-то, сам виноват, за языком следить надо было. В это время на крыльце школы появляется Логинов.

МАША. Смотрите, Славка!

Инцидент исчерпан, все оборачиваются в славкину сторону.

АРТУР. Славка, ну ты даешь! Ты знаешь, что за тобой в школу приходили?

СЛАВА. Догадываюсь.

МИХАЛЫЧ. Доигрался, Логинов. Не зря про тебя Николай Геннадьевич говорил, что ты плохо кончишь.

СЛАВА. Да идите вы все!

АРТУР. Не успел прийти, а уже хамишь? Нехорошо получается, Славочка.

МАША (*поет*). Ах, лава-лава, лавочка, большой обманщик Славочка!

Славка пытается уйти. Артур с Михальчем преграждают ему дорогу.

АРТУР. Эй, мы, кажется, не договорили.

СЛАВА. Пусти!

АРТУР. А, может, нам боевое задание дали – задержать тебя, а? Щас возьмем тебя и отведем, куда следует. А нам потом медаль дадут.

МИХАЛЫЧ. За поимку особо опасного преступника.

АРТУР. Ага, ее самую. Не боишься, а?

Артур с силой трясет Славку за плечи.

АРТУР. Ну, чего молчишь, а?

Славка вырывается из цепких лап Артура, достает из сумки ту самую пачку денег, стягивает с нее резинку и кидает зеленые купюры в лицо Михалычу и Артуру. Правда не фига не попадает, но это уже пустяки – парни застывают от неожиданности, словно каменные. Славка бежит в сторону школьного двора. Я почему-то бегу за ним. Просто так, сама не зная почему.

Я. Славка, подожди!

Славка поворачивается ко мне.

СЛАВА. Чего тебе?

Я. Не знаю. Славка, ты сумасшедший, ты еще больший псих, чем я!

СЛАВА. Ну и что с того?

Я. Зачем ты это сделал?

СЛАВА. А так просто. Жаль, я не увижу, как они будут ползать по полу и подбирать эти деньги. Забавное, должно быть, зрелище.

Я. Не будут. Они это девятиклассникам поручат. Славка, тебя найдут, все равно найдут.

СЛАВА. Не успеют.

Я. Тебя простят, тебе ничего не сделают, тебе еще нет восемнадцати. Ты ведь знаешь, что это все пройдет, это переходный возраст.

СЛАВА. В книжке, что ли, прочитала? Я одного не могу понять, почему вы все, такие умные, знаете, что это переходный возраст, знаете, что это пройдет, и все равно продолжаете делать по-своему? Почему вы все, такие рассудительные, все равно ведете себя как придурки последние?

Я не знаю, что ему ответить.

Я. А ты – нет?

СЛАВА. Что – нет?

Я. Ты ведешь себя не как придурок последний?

СЛАВА. Почему? Я такой же, как и вы. Только я знаю, что это не пройдет. Потому что жить и знать, что все прохо-

дит – пошло и скучно. Это самое мерзкое, когда люди делают глупости и не верят в них. А потом говорят, что у них так, настроение не то было... Но если тебе нравится – пожалуйста, удачи.

С этими словами Славка быстро исчезает в глубине школьного двора. Я вижу его последний раз в жизни, только мне об этом еще ничего не известно.

Я возвращаюсь на крыльцо. Мои одноклассники уже отошли от шока. Весь бетонный пол крыльца усыпан зелеными бумажками. Артур держит на просвет одну купюру.

АРТУР. Смотри-ка, настоящая....

ЛЕНА. Интересно, сколько здесь?

АРТУР. Ну, где-то штук тридцать баксов, не меньше.

МАША. Че, как делить будем? На всех?

АРТУР. Михалычу деньги не нужны, он у нас чистенький.

МИХАЛЫЧ. Ага, щас! Думаешь, я откажусь? Ищи идиота! Я ж эти деньги не украл. Если спросят, скажу, что нашел.

АРТУР. А как же жизненные принципы, а, Михалыч? Или забыл, как ты полчаса назад из себя невинную овечку строил? Типа, вы тут все дети лавочников собрались продажные, а я один такой честный – сын автослесаря!

Подбирает с пола столько купюр, сколько влезает в руку.

АРТУР. На, это тебе. Пусть твой батя себе тачку нормальную купит.

Второй рукой собирает с пола оставшиеся деньги.

АРТУР. Держи, это тоже тебе. В МГУ поступишь, будешь ба-альшим академиком в толстых очках. (*Смеется.*)

Михалыч молчит, морщит лоб, видно, размышляет о чем-то.

МИХАЛЫЧ. Не надо. Себе забери. Не хочу таким, как ты стать. Я уж лучше сам как-нибудь...

Уходит в школу.

АРТУР (*пожимая плечами*). Ну, не хочешь, как хочешь. Не насильно же тебе засовывать. (*Паше.*) На, тогда ты возьми.

ПАША (*растерянно*). Не, мне тоже не надо...

АРТУР. Да бери, не стесняйся. Это теперь ничейные деньги, так что никто не накажет.

ПАША. Мне не нужно.

АРТУР. Я сказал – бери!

ПАША. Говорю же, не нужно мне! Че пристал-то со своими деньгами? Бери, бери! Тебе надо, ты и бери, а я сам за-

работаю.

АРТУР. Чего ты заработаешь-то?

ПАША. Чего надо, то и заработаю. Это ты у нас деньги у папы из тумбочки берешь, а я, между прочим, после школы на заправке вкалываю. Так что, вот увидишь, я еще дальше тебя пойду. Поэтому себе заberi, на черный день пригодится...

АРТУР. Дурак! Сам потом прибежишь, просить будешь, а все, поздно будет, хрен потом у меня чего допросишься.

ПАША. Не прибегу, не бойся... У таких, как ты просить – себя не уважать. (*Пауза.*) А хотя, знаешь, – давай мне эти деньги. Давай.

Берет деньги, начинает рассовывать их Артуру по карманам.

ПАША. Вот. Это тебе на машину, это тебе на девочек. Дарю! Забирай! Достал уже! Это же моя доля, да? Вот я ее тебе и дарю. Бери, не стесняйся, я щедрый сегодня...

Артур отталкивает Пашу.

АРТУР. Псих!

ПАША. Псих, псих, не бойся... Бери, бери...

АРТУР. А в табло?

ПАША. Давай в табло. Все равно уже. Ненавижу тебя.

АРТУР. С тобой что сегодня?

ПАША. Ничего. Достал, понял? Если еще раз про отца своего вякнешь, я тебе сам врежу, обещаю... Урод!

Паша уходит.

АРТУР. Подожди, после уроков еще поговорим! Да что такое-то? Они сегодня все с ума, что ли, посходили? (*к девочкам*) Маха, тебе бабло тоже не нужно?

МАША. Дай сотню.

АРТУР. Да бери все!

МАША. Не, мне только одну. Мне вообще-то деньги не нужны.

Робко вытягивает из рук Артура стодолларовую купюру.

АРТУР. Бери больше!

МАША. Не надо. Мне только на пуховик и на джинсы.

АРТУР. А родители что? Принципиальные, да?

МАША. Да пошел ты...

АРТУР. На, бери больше, еще что-нибудь купишь.

Маша качает головой.

АРТУР (*Лене*). Ну, тогда ты бери.

ЛЕНА. Ну давай... Только мне тоже много не надо...

Лена тоже осторожно берет у Артура сотню, пытается вытащить вторую, но Машиа грозно смотрит на подругу, та одергивает руку, поспешно засовывает деньги в сумку. Машиа берет Лену под руку, девчонки уходят. На крыльце, помимо девятиклашек, которые стоят в стороне, на приличном расстоянии от нас, и происходящего не замечают, остаются Артур, Ира и я.

АРТУР (Ире). А ты чего осталась, может, тебе тоже деньги нужны? Так на, бери. Я сегодня добрый.

ИРА. Нет. Мне тоже не нужно...

Ира мотает головой, уходит вслед за подругами.

АРТУР. Ну чё за фигня, а? Танюха, че они такие все, а? То у них разговоров только о деньгах, то никому не нужно...

Я. Себе забери.

АРТУР. А что, можно. Сниму себе квартиру, чтобы от папика отдельно жить. А то достал уже. Думает, что если содержит меня, то имеет право совать свой нос в мои дела.

Я. Думаешь, у тебя у одного такой отец?

АРТУР. Ты просто папика моего не знаешь. У него всё деньги. Он даже цветы мамке на день рождение выбирает по их цене... Но вообще-то он ничего. Если доллар поднялся

в цене и у него хорошее настроение, мы иногда ездим на рыбалку. Тогда он настоящий... В общем, все не так уж и плохо. Так что я не знаю, что с этими деньгами делать. Тебе нужно?
Я. Не-а.

Артур минуту стоит в недоумении, потом подходит к девятиклассникам.

АРТУР. Эй, народ, мне Римма Сергеевна дала задание провести с вами культурно-развлекательную программу. Заняться воспитанием подрастающего поколения, типа.

Девятиклассники настороженно смотрят на Артура. Они знают, какие у него методы воспитания, поэтому в разговор не вступают.

АРТУР. Объявляю первый конкурс. Называется – скажем нет америкосам! Так, ребяташки, что у меня в руках? Правильно, доллары. Не коситесь, они ненастоящие. Теперь по моей команде берем по экземпляру американской валюты, делаем из нее самолетик и запускаем его. Выигрывает тот, кто дальше кинет. Главный приз – часы Кассио, которые у меня сейчас на руке. Цель ясна? Раз, два, три...

Артур выпускает доллары из рук, девятиклашки, осознав, что ничего страшного им не грозит и раздавать подза-

тыльники Артур не собирается, подбирают зеленые прямоугольники, мастерят из них самолетики и запускают их кто куда. Самолетики летят в разные стороны, у кого в небо, у кого на школьный двор, у кого пикирует тут же, прямо под ноги.

АРТУР. А теперь дружно крикнем – нет Америке! Три-четыре!

Девятиклашки кричат что-то нечленораздельное.

АРТУР. Молодцы, ребята, так держать!

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. А кто победил?

АРТУР. Победила дружба!

Я подхожу к Артуру. Подбираю лежащий неподалеку самолетик, рассматриваю его. Самолетик дрожит у меня в руках, может от ветра, может, просится в небо. Из школы выходит Марго, бежит к нам.

МАРГО. Слышали, что творится? У Федора Ивановича крыша поехала. Ходит по школе, хватает всех за руки, смотрит в глаза и разговаривает при этом сам с собой. А вид у самого безумный-пребезумный... По-моему, у него крышак того. Окончательно. Хотя, может, просто водка паленая была...

Марго видит самолетик у меня в руках.

МАРГО. А это что?

Я. Самолетик.

Марго подбирает с земли еще один, разворачивает его.

МАРГО. Слушай, так это ж Франклин! Я его рожу как раз ищу, мне на реферат прилепить надо!

Марго достает из сумки ножницы, вырезает изображение Франклина.

МАРГО. Спасибочки огромное!

С этими словами она убегает обратно в школу, распугав своей неутомной натурой воробьев на школьном крыльце. Я запускаю свой самолетик в небо. Самолетик резво мчится в потоке мартовского ветра и пикирует прямо на качели.

Звенит звонок. Девятиклашки убегают на урок.

Я смотрю им вслед, и в чем-то завидую.

Я (Артуру). Пойдем, а то опоздаем на урок.

АРТУР. Пойдем.

Мы уходим.

На крыльцо школы выходит Федор Иванович. Он, как всегда, разговаривает сам с собой.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Вечного двигателя первого рода не существует – закон термодинамики. Но это не правда. Это все неправда, потому что ты придешь когда-нибудь, когда-нибудь обязательно придешь, и мы откроем с тобой другой закон, мы изобретем с тобой вечный двигатель первого рода, мы вместе, я и ты... Когда-нибудь обязательно... И тогда все сойдется, тогда все не напрасно...

Федор Иванович садится на крыльцо, шепчет себе под нос что-то, то ли от внутренней силы, то ли от безысходности.

Он не боится быть сумасшедшим. Ему можно. Учитель химии в школе всего один. Мы смеемся над ним за его спиной, но, в сущности, нам даже немного жаль этого ненормального старика. Даже сейчас, не смотря на переходный возраст.

А потом... А потом мы будем дарить ему цветы и благодарить за все, что он сделал и не сделал для нас. Первый раз – на выпускной, второй – на день встречи выпускников, через год, а третий – на похоронах, да и то не факт...

Я сижу на заднем крыльце нашей школы. Прошло два-

дцать лет. Я уехала из города сразу после выпускного, и вот я снова здесь. И не от большой радости – работа, семья, взрослые, серьезные проблемы. Артур оказался прав – мы закончили школу и разъехались кто куда, даже не попрощавшись друг с другом. Нас всех помотало по жизни, нам всем пришлось в этой жизни несладко...

Появляется Артур. Он одет в клетчатую пижаму, на голове у него колпак.

АРТУР. После школы я уехал в Москву и поступил на финансовый. Через пять лет у меня уже была своя маленькая компьютерная фирма. Но потом бизнес зашел в тупик, я уехал в Штаты и там женился. Однажды, совершенно случайно я узнал, что в Нью-Йорке арестовали русского хакера. Думаю, как его звали, объяснять не нужно. Я вытащил Логина из тюрьмы и устроил работать к себе. Славка согласился на все условия, единственное, о чем он просил – чтобы ему дали отдельный кабинет. К тому времени у него развилась очень странная фобия – он боялся дотрагиваться до людей и вообще всячески сторонился общества. Пять лет Славка исправно работал на меня за одни лишь еду и жилье – деньги ему никогда не были нужны, и в этом плане он был незаменим. Да и во всем остальном тоже. А потом он исчез. Когда взломали его квартиру, в ней был страшный бардак – видно, собирался он в спешке. А через месяц мы обнаружили, что вместе со Славкой пропал весь уставной капитал нашей

компании. Но я на Славку не обиделся – он взял то, что ему принадлежало. Теперь мы квиты... Я даже немножко переживал за Славку, за его судьбу. А потом у меня застрелилась единственная дочь. И я уже ни за кого больше не переживал, потому что сошел с ума. Жена до сих пор навещает меня в больнице. Но живет с другим... Сука! (*Хохочет.*)

Закуривает.

Появляется Паша в армейской форме.

ПАША. В пед я не поступил – завалил историю. Хотел поступать через год, но меня загребли в армию. Из армии не вернулся.

Закуривает.

Выходит Михалыч.

МИХАЛЫЧ. А я спился. Когда моя младшая сестренка свалила в Штаты, я был уверен, что через годик-два мне придет приглашение и я уеду жить к ней. Но оно не пришло. Я подождал еще лет пять, а потом спился окончательно.

Садится на крыльцо, дрожащими руками достает сигарету, курит.

На крыльцо выходит Маша.

МАША. Я вышла замуж за очень хорошего человека. Зарабатывает он немного, но на жизнь нам хватает. У нас четверо детей. Младшему четыре годика, а старшей семнадцать. Я не работаю, сижу с детьми. Очень счастлива.

Достает из сумочки дамские сигареты, закуривает.

Выходит Лена, уже порядком растолстевшая, с длинной косой, обернутой вокруг головы.

ЛЕНА. После школы я первая из класса вышла замуж. С внешностью у меня всегда были проблемы, а вот он был красавец. Девчонки завидовали. А он пил и бил меня. Сейчас я живу одна. Работаю продавцом. Воспитываю дочь. Она у меня красавица, вся в отца...

Достает фотографию дочери, смотрит на нее, улыбается, закуривает.

Появляется Ира – элегантная молодая женщина.

ИРА. Я стала известным театральным критиком. Живу в Москве. О школе вспоминаю редко. Пью.

Закуривает.

На школьный двор выходит Марго.

МАРГО. Я умерла через год после окончания школы

от передоза героином. Но это ничего, потому что в ту ночь я увидела самый прекрасный сон в своей жизни. За такой сон умереть стоило, уж поверьте...

Марго сиротливо садится рядом с остальными, виновато опускает голову, закуривает. На нее никто не смотрит. Выходит Клавдия Михайловна.

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. Через два года, после того, как ушел этот класс придурков, я стала директором школы. Я сразу же запретила девочкам приходить на учебу накрашенными и сделала биологию обязательным экзаменом. Правда, от этого ничего не изменилось, но жару я им задала. Я выпустила из школы огромное количество учеников. Кажется, что-то за последнее время в этих детях изменилось. Они не стали лучше, но они стали совсем другие...

Сейчас я уже на пенсии. Веду кружок юных натуралистов. В свободное время стреляю в тире. Курю только «Парламент».

Закуривает.

Я. А я... Я стала учителем... Химии. Я работаю в школе для одаренных детей. Меня любят ученики и коллеги. Я изобрела новую методику преподавания и даже заняла с ней второе место на всероссийском конкурсе «Учитель года».

В нашей школе учатся пятьсот человек – и среди них нет ни одного похожего на моих одноклассников – ни на Артура, ни на Пашку, ни на Михалыча... Ни на Славку.

Я сижу и вспоминаю. Сегодня мой вечер. Огромное серое здание в темноте походит больше на средневековую тюрьму, чем на СОШ №1. Осень своими листьями бьется в окна школы, как будто вызывает ее на дуэль. Внутри школы темно, лишь в одном окне, на третьем этаже, пятом справа, горит свет.

Бинокля у меня с собой нет, да и не нужен он здесь. Я и так знаю, что происходит за тем окном. Там, на третьем этаже, в триста двадцать седьмом кабинете сидит Федор Иванович. Постаревший, поношенный, больной, похожий на старый комод, покрытый «пылью времен», перед которой так благоговеют антикварные старушки. Федор Иванович сидит за своим учительским столом, наливает себе водки в мензурку, чокается с портретом Менделеева и пьет не закусывая. Учитель химии идет между пустыми рядами парт, по-старчески щурится от ламп дневного света, и верит, верит, что когда-нибудь, когда-нибудь обязательно к нему придет однажды в класс парень с длинным черным каре и синими глазами. Парень, который не будет курить в туалете и драться на крыльце школы. И они будут сидеть с Федором Ивановичем здесь, в этом кабинете допоздна и долго разговаривать на непонятном языке

формул. А потом синеглазое каре получит Нобелевскую премию... А дальше вы уже знаете.

И, наверное, Федор Иванович понимает остатками разума, что не было никогда в средней образовательной школе номер один города Междуреченска гениев, не было и никогда не будет, что вечного двигателя первого рода не существует. Но он верит. Потому что верить нужно. Потому что – а зачем тогда... потому что – а как же иначе... потому что он все равно существует, если сильно-сильно в это поверить...

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА. Девятый класс, бросили сигареты, зашли в школу! Одиннадцатый, хрен с вами, курите, сколько влезет. Все равно уйдете через три месяца. А сейчас все на биологию!

Сидящие на крыльце бросают сигареты, заходят в школу.

Темнота.

За линией

Киносценарий

Осень

Раннее утро. По размокшей, прокисшей от грязи дороге идут двое. Костя – мужчина в светлом пальто, и девочка лет пяти, одетая в цветную куртку и шапку-«буратино». В руках у мужчины черный портфель и дорожная сумка, за плечами детский ярко-красный рюкзак.

Столбы, дороги, заборы размыло, и весь пейзаж кажется акварельной кашницей на рисунке неталантливого художника.

Мужчина и девочка проходят элеватор, магазин «Хозяюшка» и сворачивают на заброшенную железную дорогу. Идут по рельсам. В ботинках чавкает грязь.

ДЕВОЧКА. Поезд поедет?

КОСТЯ. За линию, туда...

ДЕВОЧКА. Мы же в гости, да?

КОСТЯ. В гости.

ДЕВОЧКА. А потом к маме?

КОСТЯ. К маме.

ДЕВОЧКА. Мама болеет... Ей нельзя одной. Нам там лекарство дадут, да? Чтоб мама не болела, да?

Костя молчит.

ДЕВОЧКА. Мама выздоровеет, да?

КОСТЯ. Выздоровеет... Под ноги смотри.

Они сворачивают с дороги. В нескольких метрах от дороги стоит черный бревенчатый дом, окруженный зеленым забором. У забора крутится крупная белая лайка, вынюхивает воздух.

Костя свистит, пытается подманить собаку.

Лайка оборачивается к пришельцам, рычит.

Из дома выходит молодой человек, с темными волосами, собранными в конский хвост. Человека зовут Стешик.

СТЕШИК. Вы – Костя?

КОСТЯ. Стешик?

Пожимают друг другу руки.

СТЕШИК. Мы вас вчера ждали.

КОСТЯ. На вчера билетов не было. Был бы телефон, позвонил бы, а в письме... не предугадаешь. *(Неловко смеется.)*

СТЕШИК *(берет у Кости сумку, идет в дом, собака бе-*

жит за ним, обнюхивает сумку). Найда, нельзя!

Костя и девочка идут следом. Девочку зовут Алина, на ней смешная одежда, и она выглядит болезненно, нелюдимо.

Заходя в дом через сени, сразу попадаешь на кухню. Здесь темно, по стенам много копоти, печь разрисована героями диснеевских мультфильмов. На одной из стен висит велосипед, с двумя бутафорскими крыльями, приделанными к раме. За столом сидит Ирма – девушка лет двадцати пяти, читает книгу. Ирма беременна.

КОСТЯ. Сестра?

ИРМА (смотрит на Костю, бежит к нему, обнимает).

Костяшка! Блин, супер-прикид, как в театре!

КОСТЯ. Ты тоже ничего. Как дела?

ИРМА. Пока не родила! (Смеется). Нормально дела, скоро вот... (Показывает на живот.)

КОСТЯ. Кто?

ИРМА. А я знаю? Кто будет, тот и будет. Да, Стешик?

Стешик рубит топором чурбаки на мелкие щепки, растапливает печь.

КОСТЯ. Вот. (Берет дочь за плечо.) Алина. Дочь.

ИРМА. Привет.

Алина молчит.

КОСТЯ. Поздоровайся с тетей.

АЛИНА. Здрасьте. (*Смотрит в пол.*)

КОСТЯ (*Ирме*). Пойдем в огород, покурим?

Костя снимает детский рюкзак, ставит на пол, портфель остается у него в руках. Ирма накидывает старое пальто на плечи, обувает галоши, они с братом выходят.

СТЕШИК (*вслед*). Не кури много...

Костя идет по огороду, обходит грядки.

КОСТЯ. Красиво. Хорошо устроились.

ИРМА. Цветной капусты было много...

Идут.

КОСТЯ (*закуривает, протягивает сигарету Ирме*). В общем, ты понимаешь... Я же писал...

ИРМА. Что, совсем все так?

КОСТЯ. Да. (*Пауза.*) Деньги буду высылать по возможности...

ИРМА. Да не надо, так... Я же понимаю, лекарства, си-

делки...

КОСТЯ. Через час поезд.

ИРМА. Что, даже чаю не попьешь?

Костя отрицательно качает головой.

КОСТЯ. Надо. Она там... Поеду я...

ИРМА. Когда вернешься?

КОСТЯ. Как разрешится...

Ирма провожает брата до калитки.

КОСТЯ. Я позвоню...

ИРМА. Куда?

КОСТЯ. Соседям.

ИРМА. Номер знаешь?

КОСТЯ. Да... Нет... Я узнаю. Ладно, все, пока...

ИРМА. Костяшка! (*Костя оборачивается.*) Подожди.

Пять лет не виделись, а тут ни здрасьте, ни до свидания. Сам-то хоть как?

КОСТЯ. Ты какой ответ хочешь услышать? Нормально все. Вот. Живу. От мамы тебе привет. Недавно звонила.

ИРМА. Мама пьет?

Молчание.

КОСТЯ. Пьет... Маму не знаешь, что ли?

ИРМА. Вот, думали трое будет. А будет четверо.

КОСТЯ. Ирма, это не надолго. До ноября максимум. Ир-ма, я же писал... Ну, я могу в интернат, конечно... На вре-мя. Там – нельзя, Ирма, там даже я не могу, врачи не хотят ее брать, говорят – бесполезно. Она все время стонет, или кричит, или плачет, я не могу в квартиру зайти – там воняет мочой. Ирма, ты не представляешь, как это, когда все время воняет мочой. Мне кажется, что от меня уже тоже воняет, что от сиделки воняет, что вокруг все воняет... Алине нель-зя там. Я могу в интернат, конечно...

ИРМА. Успокойся. Нормально все. Вытянем как-нибудь.

КОСТЯ. Это не надолго. Правда.

ИРМА. Гале привет. Пусть выздоравливает. (Пауза.) У те-бя волос седой. Вот здесь, давай вырву?

Костя смотрит на Ирму, улыбается. Подходит к ней, гладит ее по волосам, обнимает. Потом резко разворачи-вается, как будто что-то для себя решив, быстро уходит по железной дороге. Лайка все так же напряженно нюхает воздух. Потом вдруг бежит за Костей, лает.

ИРМА. Найда, нельзя! Фу, не провожай!

Найда возвращается назад. Ирма садится на корточки, прижимает голову собаки к своей.

Входит в дом. Алина все так же стоит посреди кухни, внимательно наблюдает за работой Стешика. Ирма подходит к Алине, нагибается к ней.

ИРМА. Яблоко хочешь?

Алина молчит.

ИРМА. Давай дам, а то девки проснутся, все сожрут...

Алина молчит.

ИРМА. Ты почему молчишь?

АЛИНА. Молчу...

ИРМА. Папа уехал...

Алина молчит. Ирма моет яблоко, протягивает девочке.

ИРМА. Вот. Съешь.

Алина послушно берет яблоко, начинает есть.

АЛИНА (*кивает на Стешика*). Это он что?

ИРМА. Тепло чтоб...

Алина ест яблоко, смотрит на Стешика. Стешик расто-

пил печку, выдвинул заслонки.

ИРМА. Не расстраивайся. Меня Ирма зовут.

Алина молчит. На кухне становится дымно.

ИРМА. Стешик, сколько можно, ну прочисть трубу! Так и будем токсикоманить?

СТЕШИК. Алина, иди в комнату... Задохнешься. (*Открывает входную дверь.*)

Алина проходит в комнату. Комната очень большая, почти огромная, по стенам висит много детских рисунков, несколько масляных картин непонятного сюжета и небольшой коврик, на котором выткан Христос. Пол скользкий и блестящий. Двухъярусная кровать, заваленная цветными одеялами, с одной стороны, и старый диван, застеленный клетчатым пледом, с другой. В углу, у окна, стоит кукольный домик с деревянными кроватками, стульями, столами и даже маленькой плитой. В кроватках спят куклы. Алина заморожено смотрит на кукольный дом. Подходит к нему, трогает кукольную мебель, достает из кровати куклу, рассматривает. В это время из-под цветастых одеял вылезает светловолосая растрепанная девочка лет пяти. Она несколько секунд разглядывает спину Алины и, догадавшись, что в королевство проникли враги, берет со стула, стоя-

щего рядом, книгу сказок, с которой и крадется к пришельце. Подойдя, она с размаху бьет незнакомку книгой по голове. Надкусанное яблоко выпадает из рук Алины, катится по полу. Светловолосая девочка садится на пол и плачет. Алина подбирает яблоко, протягивает девочке. Та успокаивается. Ест яблоко, большими круглыми глазами смотрит на Алину. Алина в нерешительности вертит в руках куклу.

АЛИНА. Тебя как зовут?

ДЕВОЧКА. Ланка...

Грызет яблоко.

АЛИНА. А ее? (*Кивает на куклу.*)

ДЕВОЧКА. Тоже Ланка.

Молчат. Смотрят друг на друга.

ЛАНКА (*вдруг*). Давай по кругу бегать?

АЛИНА. Как?

ЛАНКА. Вот так.

Ланка встает, начинает бегать по комнате кругами, причем занятию этому отдается полностью и как будто вообще забывает о существовании кого-либо в комнате. Сделав несколько кругов, Ланка снова садится рядом с Али-

ной.

АЛИНА. А кто галит?

ЛАНКА. Я.

АЛИНА. Ладно, я убегаю...

ЛАНКА. Нет. Я.

АЛИНА. Ты галишь.

ЛАНКА. Я.

АЛИНА. А я убегаю.

ЛАНКА. Я-а-а.

Ланка подпрыгивает, размахивает руками, смеется. Алина нашла в кукольном шкафу вещи, одевает куклу.

ЛАНКА (дергает Алину за рукав). Смотри! (Снова прыгает, гавкает.)

ЛАНКА. Я Найда! Я Найда! Гав! Гав!

С верхнего яруса кровати свешивается детская нога. Проболтавшись немного в воздухе, нога исчезает под одеялом, и через несколько минут из-под одеял показывается темноволосая девочка, похожая на Стешика. Девочка смотрит то на Ланку, то на Алину.

Потом спрыгивает с кровати. Девочку зовут Тошка.

ТОШКА. Блин, ты наша тетя, да? (*Подбегает к Алине, обнимает ее.*) Тетя!

В комнату заходит Ирма.

ТОШКА. Mam, тетя приехала!

ИРМА. Какая тетя?

ТОШКА. Ну, тетя Галя, дяди-Костина жена!

ИРМА. Не тетя, а сестра.

ТОШКА. Моя Ланка сестра.

ИРМА. Алина тоже сестра.

ЛАНКА. Сестра?

Обе девочки внимательно смотрят на Алину. Алина смотрит в пол.

ТОШКА. Ну и где она будет спать?

ИРМА. С тобой.

ТОШКА. Со мной Барсик спит.

ЛАНКА. Он со мной спит!

Входит Стешик.

СТЕШИК. Девочки, почему постели разобраны?

ЛАНКА. А мы собаки! Гав! Гав!

Стешик берет Ланку на руки, кружит ее. Ланка смеется.

ТОШКА. А меня! А меня!

Прыгает вокруг отца. Стешик кружит Тошку.

ЛАНКА. Теперь меня!

Стешик подходит к Алине, кружит ее.

ЛАНКА. Космонавты! *(Прыгает.)*

Стешик ставит Алину на пол. Алина идет и, не удержав равновесие, падает на кота. Все, кроме кота, смеются. Алина улыбается, смотрит в окно. Уже совсем рассвело. Стешик уходит на кухню.

Ирма берет Алину за руки.

ИРМА. Ты девчонок не бойся, они хорошие у нас. Тошка вот в школу скоро пойдет.

ЛАНКА. Ага, скоро! Через год!

ТОШКА. Пойду! В пятьсот двенадцатую! Мне рюкзак папа купит. И тетрадки еще с русалочкой! Да, мам?

ИРМА. Да. Так, я не поняла, почему постели до сих пор разобраны? Весело, что ли, стало? Быстро, быстро, быстро!
(Хлопает в ладоши.)

Тошка и Ланка начинают заправлять кровати.

ИРМА (Алине). Где твои вещи? Неси сюда.

Алина приносит с кухни красный рюкзак, протягивает Ирме.

Ирма открывает шкаф, смотрит, куда можно положить вещи. Затем отодвигает часть вещей, лежащих в шкафу, в сторону.

ИРМА. С Ланкой жить будут.

АЛИНА. Кто?

ИРМА. Вещи.

АЛИНА. Как это?

ИРМА. Вещи тоже живут. Как люди, только дольше. Ты разве не знала?

АЛИНА. И разговаривают?

ИРМА. Конечно. На своем языке. Вот я их сейчас с Ланкиными вещами сложу. (*Раскладывает Алинины вещи на полке.*) Они и подружатся...

ТОШКА (*с верхнего яруса*). Врешь ты все! Пусть поговорят! (*Кричит.*) Платье, говори! Шорты, говори! Кофта, говори! (*Смеется.*)

ИРМА. Я вру? Это просто ты глухая, слушать не умеешь! Вот обижусь на тебя и уйду из дома!

ЛАНКА (*закончила заправлять кровать, подбежала к матери, обняла ее*). Не уйдешь, не уйдешь! Мы тебя все равно не пустим.

Ирма целует дочь.

ИРМА (*Алине*). Вот. Вещи твои здесь, запомнила? Рюкзак сверху кладу, он у них главный будет. (*Кладет красный рюкзак поверх вещей.*) Девки, есть хотите?

ТОШКА. Хотим!

ИРМА. А чего сидим? Ждете, что на тарелочке вам принесут? (*Уходит на кухню.*)

Тошка и Ланка бегут на кухню, Алина, подумав, идет следом.

На кухне Стешик сидит на табуретке, строгают люльку. Ирма раскладывает девочкам кашу по тарелкам.

ИРМА (*поет*). «Сиди дома, не гуляй, девка красная, хмарь на улице стоит, хмарь заразная...»

ЛАНКА. Мам, а у тебя ребеночек в животике же сидит?

ИРМА. В животике. Видишь, какой большой?

ЛАНКА. А как он там тогда кушает?

ИРМА. Ну, вот я кушаю, и он тоже кушает. Поняла?

ЛАНКА. Поняла... (*Пауза. Ест.*) Мам, а ты тогда мелко-мелко жуй, ладно? Подавится еще...

ИРМА (*улыбается*). Ладно.

В сенях слышен шум. В дом заходит коренастая, светловолосая, коротко стриженная девочка лет шести. Она держит за руку мальчика двух или трех лет. Это Оксана и Макся.

ОКСАНА (*Ирме*). Здравсьте, Тетирма! (*Максе*.) Поздоровайся!

МАКСЯ. Здравсьте.

ТОШКА. Окся! К нам сестра приехала, смотри! (*Хватает Алину за плечи*.) Ее знаешь как зовут? Алина!

ОКСАНА. А к нам Леська, может, приедет. Гулять пойдете?

ИРМА. Оксана, вы кушали?

ОКСАНА. Да мы не хотим!

ИРМА. Что значит, не хотим? Максим, ты кушать будешь?

МАКСЯ. Буду!

Оксана шикает на Максю.

МАКСЯ. Немножко совсем. Вот столечко буду! (*Показывает*.)

Ирма раскладывает Оксане и Максе кашу по тарелкам.

Те садятся за стол, едят.

ОКСАНА. Куда пойдём?

ТОШКА *(шепотом)*. На речку?

ИРМА. Так, я сейчас кому-то пойду на речку! Давно не сопливили?

МАКСЯ *(радостно)*. А я и так болею! Вот такие сопли вчера были! *(Широко разводит руки, нарочито громко хлюпает носом.)*

Стешик выстрогал люльку.

СТЕШИК *(Ирме)*. Смотри! С птицами, как заказывала!

ИРМА *(берет люльку, рассматривает)*. Здорово!

ТОШКА. А мне! *(Выбегает из-за стола.)* Мне покажи!

ИРМА *(показывает дочери люльку)*. Птицы, видишь? Это чтоб не болел.

ТОШКА. Они лечить будут его, да?

ИРМА. Защищать. Чтоб не обижал никто.

ЛАНКА. А ребеночек скоро будет?

ИРМА. Будете хорошо себя вести – скоро. Ребеночек непослушных не любит.

ЛАНКА. А мы послушные!

СТЕШИК. Ладно, Ирма, я в город, Саша сказал, работа есть.

ИРМА. Чего платит?

СТЕШИК. Две. Если в неделю уложимся.

ИРМА. Баня опять?

СТЕШИК *(кивает)*. Ну. *(Собирается.)* Все, девочки, до вечера!

Целует по очереди Ирму, Ланку, Тошку и Алину. Алина улыбается. Трогает щеку.

Стешик уходит.

Ирма тоже собирается.

ИРМА. Девки, я на рынок. Никаких речек! Посуду за собой вымыть! *(Уходит.)*

ОКСАНА. У нас мамка тоже на рынок пошла. Сычихе морду бить.

ТОШКА. Опять папа ваш к ней ходил?

ОКСАНА. Но! Сил с ним никаких нет уже! Так че, пойдём?

ТОШКА. Пойдем! Макся, доедай давай! Свиной нет!

Одеваются, Тошка спешно собирает посуду со стола, складывает ее в таз, стоящий на печке.

Алина рассматривает люльку, трогает деревянных птиц.

ТОШКА *(Алине)*. Ты чего? Одевайся!

АЛИНА. Маму сюда надо.

ТОШКА. Чего?

АЛИНА. Маму сюда положить (*показывает на люльку*), она болеть не будет. Птицы – они же, чтоб не болеть!

ТОШКА (*смеется*). Не, твоя мама сюда не влезет! Она большая, а люлька-то для ребеночка! Пошли! (*Тянет Алину за руку.*)

Все выбегают на улицу, бегут по железке.

Найда несетя следом.

Дети прибегают к реке.

Сели на песок, сидят. Макся нашел палку, кидает ее Найде. Найда бежит за палкой, лает.

ОКСАНА (*задумчиво*). Покупаться бы...

ТОШКА. Нельзя. Холодно. (*Подумав.*) Если ветра не будет, то не холодно.

ОКСАНА. Мне и так не холодно. (*Раздевается, забегает в реку. Размахивает руками*). Вот, смотри, не холодно!

МАКСЯ. Окся, нельзя, мама набьет!

ОКСАНА. Не настучишь, не набьет! (*Плещется в воде.*)

ЛАНКА. Заболеешь, в школу потом не возьмут!

ОКСАНА. А я и не заболею!

Поплескавшись еще немного в воде, Оксана выходит на берег. Сидит, накинув куртку на плечи, дрожит.

ЛАНКА. Окся, у тебя пиявка на ноге! Укусит!

ОКСАНА (*скидывает пиявку с ноги*). Блин!

МАКСЯ. Если укусит, умрешь сразу, да?

ОКСАНА. Пиявки хорошие, они плохую кровь пьют. Меня укусила, я хорошая теперь. Вообще хорошая!

МАКСЯ. А я?

ОКСАНА. А ты – нет!

МАКСЯ (*хнычет*). Я тоже хочу! (*Подбирает с земли пиявку, пытается пристроить ее у себя на ноге.*) Давай, кусай! Кушай, давай!

ЛАНКА (*Максе*). Дай мне! Дай!

Вырывает пиявку из рук Макси. Макся хнычет, не отдает. Пиявка рвется на две половинки. Ланка удивленно смотрит на половинку, оставшуюся у нее в руках.

ЛАНКА. Она теперь умерла уже, да?

ТОШКА. Дай сюда! (*Забирает у Ланки пиявку, выкидывает ее в кусты.*)

ЛАНКА. Я тоже хочу хорошая быть!

ТОШКА (*Оксане*). Че, холодно там?

ОКСАНА (*пожимает плечами*). Нормально.

Тошка раздевается, забегает в воду.

ЛАНКА. Я тоже хочу! Найди мне там тоже!

ТОШКА. Сама найди!

Ланка по примеру Тошки раздевается, осторожно заходит в воду.

МАКСЯ. И я! И я! *(Бежит к воде.)*

ОКСАНА. Макся, нельзя!

Макся по щиколотку заходит в реку. Оксана встает, берет его за руку, оттаскивает, шлепает.

ОКСАНА. Я кому сказала! Сопли до колена, а туда же!

Макся ревет.

Тошка плещется в речке.

Ланка, растопырив руки, сидит по грудь в воде.

ЛАНКА. Пиявки, пиявки, идите сюда! Пиявки, пиявки, тута мы!

Тошка выбегает из воды, внимательно осматривает себя. Пиявок на ней нет.

ТОШКА. А! *(Машет рукой.)* Я и так хорошая! *(Одевается.)*

Дети сидят на берегу, смотрят, как Ланка сидит в воде, в ожидании пиявок.

ТОШКА. Ланка, выходи! Они спать пошли, завтра придут.

ЛАНКА. Нет, не спать! Пиявки, пиявки, идите сюда! Пиявки, пиявки, тута мы!

ТОШКА. Выходи, а то маме скажу!

ЛАНКА. Пиявки, пиявки, идите сюда! Пиявки, пиявки, тута мы!

Алина в это время сняла ботинки, осторожно ходит по краю берега.

ТОШКА. Ланка, ну я кому говорю! Выходи давай!

Ланка отрицательно мотает головой, смеется.

АЛИНА (*садится на корточки, смотрит на Ланку, сидящую в воде*). Выходи? Домик будем строить.

ЛАНКА. Ладно. Щас. Еще раз скажу им. Пиявки, пиявки, идите сюда. Пиявки, пиявки, тута мы!

Ланка, дрожащая, выбегает на берег, внимательно осматривает себя.

ЛАНКА (*разочарованно*). Нету... Блин, нету...

МАКСЯ (*вдруг радостно кричит*). На жопе! На жопе!

Ланка снимает с ягодицы пиявку.

ЛАНКА (*размахивая пиявкой, как флагом*). Есть! Есть! Я хорошая теперь! У меня плохую кровь высосали!

МАКСЯ. Дай мне! Дай тоже!

ЛАНКА (*целует пиявку*). Хорошая... Бе! (*Смеется, отдает ее Максe.*) Держи. Не ешь только!

Алина строит дом из песка. Тошка подсаживается к ней, помогает строить.

ТОШКА. Дворец или замок?

АЛИНА. Не знаю.

ТОШКА. Лучше дворец. Там качели прям в доме есть. И кафе есть. Знаешь кафе?

Алина кивает.

ТОШКА. Пирожные где. Мы ходили с папой. И баня прям там, в дворце.

АЛИНА. А в замке?

ТОШКА. В замке тоже баня. Только маленькая – вот такусенькая. (*Показывает.*) У вас в том доме баня есть?

АЛИНА. Нет.

ТОШКА. А у нас папа бани строит. И вам построить может. Плохо там, да?

АЛИНА. Мама болеет.

ТОШКА. У нас Ланка тоже все время болеет. Сопли постоянно... *(Задумчиво строит дом.)* Пойдем на дорогу сидеть? Там тоже дворец можно... Только песок черный...

Тянет Алину за руку. Девочки бегут по берегу.

Тошка и Алина сидят на рельсах железной дороги. Барсик прибежал, запрыгнул на руки Тошке.

ТОШКА. На Большой земле все есть. Магазины, качели еще есть... Мама туда ходит. И папа. Ходит.

АЛИНА. Большая земля – это где?

ТОШКА. Там... *(Рукой показывает за железную дорогу.)* Домики еще. Хочешь, покажу?

Алина кивает. Тошка встает, сбрасывает Барсика, бежит за железную дорогу, Алина бежит следом.

За железной дорогой черные угольные насыпи, старый разрушенный завод. По дороге когда-то ездили рабочие поезда, теперь здесь полынь, разросшиеся кусты сирени, огромные, величиной с детскую голову, лопухи, мухи, ржавые вагоны, вкривь стоящие на земле, песок, коричнево-черный, смешанный с углем...

Тошка идет мимо вагонов. Возле одного из них стоит миска с рыжей дождевой водой и листьями подорожника, плавающими в ней.

ТОШКА *(останавливается у вагона).* Опять суп прокис... *(Выливает из миски воду. Залезает в вагон.)* Бомжи-пидарюги, весь вагон ублевали!

Алина залезает следом. На длинных, идущих вдоль вагона лавках настланы старые одеяла, по стенам развешаны скисшие от сырости желтые цветы.

ТОШКА. Вот. Дом.

Алина идет по вагону. На пыльном окне в самом углу в паутине висит засохшая бабочка. Алина аккуратно достает ее, держит двумя пальцами, рассматривает.

ТОШКА. Покажи... *(Подходит к Алине, тоже смотрит.)* Тут летом мухи еще есть... Вот такие. *(Показывает.)* Зеленые.

Забирает у Алины мертвую бабочку, растирает между пальцев, отчего те становятся черными. Тошка, как будто удивившись, нюхает пальцы.

У вагона слышна какая-то возня, детский писк.

ГОЛОС ОКСАНЫ. Макся, ну, залезай уже!

В вагон просовывается голова Макси, через секунду появляется и сам Макся. Следом залезает Оксана.

ТОШКА. Окся пришла!

ОКСАНА. Ну, вы куда ушли? Пацанов бить пойдём?

ТОШКА. Чем?

ОКСАНА. Палкой. Ланка там осталась. Звать её?

ТОШКА. Она некрасивая сегодня...

Выпрыгивает из вагона. За ней выпрыгивают Алина и Оксана. Бегут. Макся стоит у выхода, смотрит вниз, готов разреваться.

ОКСАНА (*возвращается*). Макся, ты че такой трус-то, а?
(*Снимает брата с вагона.*)

Три девочки и Макся бегут по железной дороге. В руках у Оксаны палка, которой она грозно размахивает перед собой.

ТОШКА (*останавливается*). Их домой, наверно, загнали...

ОКСАНА. А за элеватором вчера дом у них был...

Разворачиваются, бегут в другую сторону. Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы... Огромный серый замок-эlevator, без окон, без дверей. На самом верху горят два огонька. Дети обходят эlevator по кругу, идут по какой-то тропе, скрываются за деревьями.

У бетонной стены стоит лохматая девочка в грязной куртке, возле нее несколько картонных коробок и наломанные ветки. Коробки она поставила к стене, в ряд, ветки аккуратно раскладывает по коробкам. Из-за деревьев показалась Тошка, за ней остальные.

ТОШКА *(остановилась, смотрит на лохматую девочку).*
Светка Лыковка с помойки ела!

Девочка – Светка – не отвечает, продолжает заниматься своим делом.

ОКСАНА. За помойку бралась!

Светка молчит. Тошка подходит к Светкиным коробкам, пинает их ногами. Светка на секунду замирает.

СВЕТКА *(кидается на Тошку).* Это мой... Это мой... Это мой собачатник!

Светка и Тошка падают на землю. Тошка хватается Светку за волосы, Светка кусает Тошку за ухо. Макся плачет. Оксана тоже ввязывается в драку, бьет Светку палкой по голове. Алина рукавом вытирает Максе слезы. Светка вырывается, бежит по тропе.

СВЕТКА (плачет). Здесь собаки живут! Я маме расскажу, она вас набьет! (Убегает.)

Тошка поднимается с земли, вытирает слезы.

ТОШКА (кричит в след). Дура! Пидораска!

Макся все еще продолжает плакать.

ОКСАНА. Макся, не ной! Тебя, что ли, набили?

АЛИНА. А если расскажет?

ТОШКА. Пошли.

АЛИНА. Куда?

ТОШКА. На железку убегать будем...

Все бегут. Мимо элеватора, по железной дороге. Макся все время отстает, Оксана возвращается за ним, тянет его за руку. На горизонте показалась чья-то фигура.

ТОШКА (обернувшись). Мама Лыковкина!

Спрыгивает на насыпь, съезжает по ней, прячется за кусты. Остальные следуют ее примеру.

Фигура становится все больше, больше и наконец превращается в пожилую женщину с бидоном молока. Она спокойно проходит по дороге мимо спрятавшихся, и идет дальше.

ОКСАНА (*высовывается из-за кустов*). Это не тетя Лида.
ТОШКА. А бабушка к ней еще приезжала...

Оксана пожимает плечами, вылезает на дорогу, отряхивается. Тошка и Алина следом.

ТОШКА. Пойдем, пацанов поищем? (*Алине.*) Стряхни со спины...

Алина отряхивает Тошкину куртку от налипших листьев и песка, оставляя на куртке черные угольные разводы. Девочки бегут по железке. На полдороге Оксана вдруг останавливается.

ОКСАНА. Макся где? (*Кричит.*) Макся! Макся!

Тишина.

ТОШКА. Он с нами убежал.

ОКСАНА (*кричит еще громче*). Макся! Макся!! Все, меня убьют... Макся! (*Разворачивается, идет по железке, зовет Максю.*)

ТОШКА. А если его Лыковкина мама набила?

ОКСАНА. Макся! Макся!

ТОШКА. Вот здесь слазили...

Спускаются по насыпи. Бегают между кустов. Зовут Максю. Тишина. Оксана садится на землю, плачет.

ТОШКА. Тебя набыют, да?

Оксана кивает головой, плачет еще сильнее.

ТОШКА. А если на элеваторе забыли?

Оксана отрицательно мотает головой.

Темнеет. В сумраке видны три детские фигурки, мечущиеся по железной дороге. Они кричат «Макся! Макся!»

В канаве за насыпью сидит Макся и, приоткрыв от восторга рот, смотрит на муравьев, поедающих гусеницу. Гусеница еще жива и, похоже, умирать не хочет. Начинается дождь. Муравьи утаскивают гусеницу куда-то в нору. Макся неуклюже встает, карабкается по насыпи, вылезает на железную дорогу.

МАКСЯ (*кричит*). А там муравьи чуть гусяку не сожрали!

К Максe подбегает Оксана, бьет его по голове. Максeя ревет. Оксана тоже ревет, прижимает к себе брата, целует.

ТОШКА. Окся, мы пойдем, да? Поздно, мама заругает. Блин, посуда еще!

ОКСАНА (*сквозь слезы*). Ладно, завтра зайду. Пока! (*Максе.*) Дурак вонючий, сколько раз говорила, не уходи никуда! (*Прижимает брата.*)

Темно. Тошка и Алина заходят в свою калитку. За домом, на самом краю огорода, стоит баня. В бане горит свет.

ТОШКА. Папа баню топит!

Бежит по тропинке в огород. Алина идет следом. В огороде стоит Ланка, в резиновых сапогах на босу ногу, и расстегнутой куртке. Рядом сидит Найда. Ланка смотрит на баню. Из бани слышатся какие-то стоны.

ЛАНКА. Мама рожает...

Тошка и Алина молча встают рядом с Ланкой, смотрят на светящиеся окна. Тишина. Слышится крик младенца.

ЛАНКА. Голодный... Есть хочет.

Стоят. Смотрят. Морозящий дождь превращается в снег. Дом, огород, кусты малины – все становится белым. Завыла Найда. Из бани выходит Стешик.

СТЕШИК. Так, девочки, быстро в дом! Тошка, воду кипятить! Я за простынями.

ЛАНКА. Пап, а кто? Кто, пап?

СТЕШИК. Братик.

ЛАНКА. А назовем как?

СТЕШИК. А ты как хочешь?

ЛАНКА. Давайте Максимкой?

ТОШКА. Ага, у Окси Максимка и у нас Максимка?

СТЕШИК. Николька будет. Мама придумала.

ТОШКА. Николька?

СТЕШИК. Николька. В дом давайте, снег, смотрите, какой пошел! *(Подталкивает девочек к дому.)*

ЛАНКА. Пап, а теперь зима будет, да?

СТЕШИК. Будет. Скоро будет.

ЛАНКА. Пап, а дай на ушко чего-то скажу?

СТЕШИК *(нагибается к дочери)*. Ну?

ЛАНКА *(громким шепотом)*. А мы на речке сегодня купались, и нам не холодно было! Теперь зима пусть, мы купались уже!

Стешик и дети заходят в дом. Стешик, не разуваясь, проходит в комнату, достает из шкафа простыни, выходит.

Тошка ставит ведро с водой на печку. Быстро моет посуду в тазу.

Алина садится у шкафа, прикладывает к нему ухо.

ЛАНКА. Ты чего?

АЛИНА. Вещи разговаривают. Слушай!

Ланка по примеру Алины прикладывает ухо к шкафу.

ЛАНКА. Не, не слышу!

АЛИНА. Говорят, зима будет. Тихо! *(Слушает.)* И папа приедет еще.

ЛАНКА. Когда?

АЛИНА. Может, завтра?

ЛАНКА *(прыгает по комнате)*. Зима! Зима будет! Зима-а-а-а!

Зима

За окном идет снег. Сумеречное утро. В темной комнате спят дети. На верхнем ярусе Тошка сложила ноги на Алину, рука свесилась с кровати. Ланка спит, обнимает Барсика. В люльке сопит младенец.

На кухне горит свет, Стешик растапливает печку, Ирма

замешивает тесто. На столе лежит распечатанное письмо. У двери стоит небольшой дорожный рюкзак.

ИРМА. Поедешь?

Стешик молчит.

ИРМА. Нужно ехать.

Молчание.

ИРМА. Не уезжай.

Стешик молчит.

ИРМА. Стешик... А я?

СТЕШИК. Я скоро.

ИРМА. Денег нет.

СТЕШИК. Стопом...

ИРМА. До Польши?

Стешик молчит.

ИРМА. Стешик, я боюсь... Боюсь, что ты уедешь и не вернешься. Что тебя собьет машина, что обратно не впустят...

Стешик обнимает Ирму, Ирма гладит Стешика по лицу, отчего на его лице остаются разводы из муки и теста.

ИРМА. Не уезжай...

СТЕШИК. Надо. Папу проводить... Попрощаться...

ИРМА. Какого папу? Стешик, ну, какого папу? Он тебя растил? А они? А они без папы как?!

В комнате просыпается Алина, перелезает через Тошку, спрыгивает с кровати, идет на кухню.

ИРМА. Ты чего босая?

Алина смотрит на письмо.

АЛИНА. Папа приедет?

ИРМА. Приедет.

АЛИНА. Когда?

ИРМА. Скоро. *(Вдруг обнимает девочку, плачет. Алина удивленно смотрит на Стешика.)*

СТЕШИК. Ну ты чего, мать? Мать, ты чего? *(Обнимает Ирму, отнимает ее от Алины.)*

Алина бежит в комнату, достает из шкафа красный рюкзак, запикивает в него свои вещи. Подумав, достает две цветные резиночки, одну кладет на кровать рядом с Лан-

кой, другую рядом с Тошкой. Плачет младенец. Ирма заходит в комнату, берет ребенка на руки, выходит. Просыпается Тошка, свешивается с кровати.

ТОШКА (*удивленно смотрит на собирающуюся Алину*).
Ты чего?

АЛИНА (*шепотом*). Папа приедет.

ТОШКА. Туда, к себе, поедешь?

АЛИНА. Ну... Где рисунок мой? Принцесса?

ТОШКА. Макся изорвал...

АЛИНА. Блин! Маме подарить хотела...

В комнату заходит Стешик.

СТЕШИК. Ланка спит?

ТОШКА (*кричит*). У Алины папа приедет!

СТЕШИК. Тише! Приедет. Тоня, я уезжаю.

ТОШКА. Куда?

СТЕШИК. Скоро вернусь. Надо. По делам. Остаешься за старшую.

ТОШКА. Ты куда? (*Виснет на отце.*) Па, ты куда? Ты куда, пап?

СТЕШИК. Пошли, провожать меня будешь...

ТОШКА. Ну, ты куда-а-а?

СТЕШИК. Одевайся. Ланку буди и одевайся. Давай, давай... (*Уходит на кухню.*)

Тошка будит Ланку.

ЛАНКА (*сонно*). Да не брала я! Это Барсик все! (*Просыпается.*) Чего?

ТОШКА. Вставай. Папа уезжает.

ЛАНКА. В магазин?

ТОШКА. Не... Вставай!

ЛАНКА. Не хочу!

ТОШКА. Вставай!

Стягивает Ланку за ногу с кровати. Ланка хнычет, одевается.

У калитки стоит Ирма, держит на руках закутанного в шаль младенца. Рядом стоят одетые наспех Тошка, Ланка и Алина. Нервно бегают Найда.

СТЕШИК (*с рюкзаком за плечами*). Ладно... Не скучайте тут... Подарков привезу. Вот пока, вчера из рюкзака достать забыл... (*Протягивает Ирме шоколадку*).

В нерешительности смотрит на провожающих, потом резко поворачивается, быстро идет по железной дороге. Найда бежит за ним, лает. Стешик никак не реагирует на собаку.

Ланка хнычет.

ТОШКА. Заткнись! Приедет он скоро...

Берет сестру за руку, уводит в дом.

Ирма с ребенком и Алина уходят следом.

В доме Ирма кладет шоколад в буфет, а ребенка в люльку, куда-то собирает.

ИРМА. Девки, в доме приберитесь, за Николькой смотрите. Животик будет болеть, укроп в теплой воде разведете, попоите. Теперь без папы тяжело будет, привыкайте.

ЛАНКА. А шоколадку можно? *(Торопливо.)* Потом, когда приберемся?

ИРМА. Нет. Я вечером приду, с чаем съедим. Понятно?

ЛАНКА. А если Барсик съест?

ИРМА. А вон Боженька на стене висит, он мне все расскажет. *(Кивает на коврик с Христом.)* Все, до вечера. Картошка на печке, под полотенцем. *(Уходит.)*

Тошка смотрит на Христа, вытканного на ковре.

ТОШКА. А мы и хорошо себя ведем, не стучи тут! *(Идет на кухню, вдруг останавливается, говорит Христу.)* Я постель потом заправлю, че зыришь?

Алина и Ланка тоже идут на кухню.

На кухне Тошка разложила картошку со сметаной по тарелкам, поставила на печь чайник.

ЛАНКА. А если Барсик на кухне съест, как он узнает, он-то в комнате?

ТОШКА. Это ж Боженька...

ЛАНКА. Может, это вообще Найда съест?

Тошка разливает чай по кружкам.

ЛАНКА. Или Светка Лыковка. Можно сказать, что Лыковка.

ТОШКА. Дура, что ли? Он-то (*показывает в сторону комнаты*) увидит!

Молчание. Пьют чай. Ланка идет к буфету.

ТОШКА. Ланка!

ЛАНКА. Ну, я только посмотрю, с орехами или нет...

Залезает на стул, открывает буфет, достает шоколад.

ЛАНКА (*восторженно*). С орехами!

Долго разглядывает шоколад, вертит его в руках. Наконец кладет шоколад на стол.

Тошка вопросительно смотрит на Ланку.

ТОШКА. Ланка, нельзя же!

ЛАНКА. Тс-с-с!

Ланка мажет себе руки сметаной с тарелки, бежит в комнату, залезает на стул, стоящий под ковриком с Христом. Глубоко вздохнув, Ланка аккуратно замазывает Христу глаза сметаной.

ЛАНКА. Не обижайся только, ладно? *(Целует Христа.)* Я с тобой поделюсь. *(Кричит.)* Он не видит, он не видит!

Тошка и Алина заходят в комнату, смотрят на коврик.

ТОШКА *(наконец)*. Тихо! Он и услышать же может!

Девочки идут на кухню, разворачивают шоколад, едят. Долгое молчание, прерываемое лишь чавканьем и чмоканьем.

ЛАНКА. Блин, забыла совсем!

Ланка берет кусочек шоколада, бежит в комнату. Залезает на стул, мажет Христу губы шоколадом.

ЛАНКА. Кушай, Боженька, только маме не говори, ладно? Пусть это Лыковка съела, ее все равно не набьют...

Тошка заходит в комнату. Губы ее вымазаны шоколадом.

ТОШКА. Надо только убраться будет. А то мама подумает, что мы съели и убирать потом не стали.

Плачет младенец в люльке. Тошка берет его на руки.

ЛАНКА. Блин, а Никольке-то забыли оставить!

ТОШКА. Он маленький еще. Ему шоколадку нельзя.

ЛАНКА. Как это шоколадку нельзя?

ТОШКА. У него зубов нет.

ЛАНКА (*подумав, целует брата*). Давай, слизывай, тут маленько есть еще...

ТОШКА. Чур, ты на кухне убираешься!

ЛАНКА. Ты-ы-ы!

ТОШКА. А с Николькой кто?

ЛАНКА. Я!

ТОШКА. Тебе нельзя его на руки.

ЛАНКА. Дай!

Пытается забрать младенца у Тошки.

ТОШКА. У тебя ручки слабые, тебе нельзя! (*Не дает бра-*

та.)

ЛАНКА. Можно! Я его носила уже!

ТОШКА. Не дам! Пошла пол мести!

ЛАНКА. Не хочу, с Николькой буду!

АЛИНА. Давай, я подмету?

Девочки притихли, смотрят на Алину.

ЛАНКА. Не, я сама. Мама мне сказала... *(Уходит на кухню.)*

АЛИНА *(Тошке)*. А Никольку можно?

ТОШКА. На, чуть-чуть поноси. Только головку держи, вот так вот. *(Показывает.)*

Алина берет ребенка на руки. Ходит с ним по комнате. Тошка выбежала на кухню.

АЛИНА. Ты мой братик, ладно? Баю-баю-бай... У нас мама не здесь живет, не за линией, она там живет, туда на поезде еще ехать надо... Баю-бай... Ну, не плачь, ладно? У нас папа вот такой высокий, выше их папы... У нас еще игрушки есть. Будут. Мама нам игрушек много купит. День рождение будет и купит. У нас папа сегодня приедет. Сегодня-сегодня... Не веришь, что ли?

В комнату заходит Тошка.

ТОШКА. Поешь ему? Ему про девку надо, мама ему поет, вот он и хочет. Дай покажу! (*Забирает у Алины Никольку. Укачивает, довольно верно поет*). «Сиди дома, не гуляй, девка красная, хмарь на улице стоит, хмарь заразная...»

Ирма остервенело полощет пеленки в проруби, выжимает их, складывает в таз, стоящий рядом. Поет: «Да и если выглянет красно солнышко – не гуляй, пропадет воля-волюшка...»

На кухне Ланка, высунув от старательности язык, метет пол. Тошка в комнате укачивает младенца. Алина сидит у окна, смотрит на дорогу.

ТОШКА. Я тебе в дорогу раскраску дам... И фломастеры. Хочешь?

Алина кивает.

ТОШКА. Только синего там нет...

В сенях слышен топот.

ГОЛОС ОКСАНЫ. Макся, ну давай уже, заходи!

Заходят Оксана и Макся. Рот у Макси в снегу.

ОКСАНА. Собаки нассяли, а он ел! Вытирай быстро! (*Рывком вытирает брату рот.*)

ЛАНКА. А у нас папа уехал!

ОКСАНА. А к нам Леська с Большой земли приехала. Подругу привезла. (*Раздевает брата, раздевается сама.*)

ЛАНКА. Высокую?

ОКСАНА. Вот. (*Встает на цыпочки, рукой показывая высоту подруги.*) Она с нашим Русей уже целовалась! Мы с Максей вчера подглядели.

ЛАНКА (*перестала подметать*). Где?

ОКСАНА. В сарайке.

ТОШКА (*выходит с братом на кухню*). Че гонишь?

ОКСАНА. Правда. Хочешь, поклянусь?

Макся увидел Барсика, Барсик, видимо уже знакомый с Максей, бежит от него, ломится в окно. Макся схватил кота за хвост, не пускает. Барсик пытается вырваться, мяукает.

ОКСАНА. Макся, пусти кота! (*Бьет Максю по голове.*)

Макся плачет, но кота не отпускает. На руках у Тошки проснулся младенец, тоже заплакал. Кот в последнем рывке высвобождает хвост из цепких рук Макси и убегает в форточку. Мальчишки ревут. Сестры пытаются их успокоить.

Через некоторое время все затихли.

ОКСАНА (*гладит Максю по голове*). А еще девки гадали вчера... Пушкина звали.

ТОШКА. Как это?

ОКСАНА. Все снять с себя надо. В ночнушках только. И волосы распустить. И круг еще вот такой вот. (*Показывает.*)

ТОШКА. У вас есть?

ОКСАНА. Есть. Девки рисовали. Хочешь, принесу?

Тошка утвердительно кивает.

ОКСАНА. Щас! Ночнушки ищите.

Раздетая выбегает из дома, Макся идет за ней.

ОКСАНА. Макся, стой здесь, съедят тебя, что ли!

Тошка что-то ищет в шкафу.

ТОШКА. Нет ночнушек! Мама стирать унесла!

ЛАНКА. Дай, я! (*Садится рядом с Тошкой, тоже ищет.*)

ТОШКА. Ладно, футболки можно... Папины вот.

ЛАНКА. Мне папину! Папину мне, стуки-стук, я забила!

ТОШКА. На!

ЛАНКА. Это мамина! Это мамина, не ври!

ТОШКА. Ее папа тоже носил!

ЛАНКА. Ну и что! Сама носи, мне папину надо!

ТОШКА. На уже! (*Протягивает Ланке какую-то футболку.*)

ЛАНКА. А это папина?

ТОШКА. Папина! Забыла, что ли?

Ланка послушно переодевается. Размахивая листом ватмана, в дом забегает Оксана.

ОКСАНА. Тошка, блюдце белое и свечку носи. Леська сказала, белое нужно! Щас расскажу!

Тошка уходит на кухню, ищет белое блюдце, Оксана уходит следом, что-то шепчет ей.

Вернувшись с кухни с блюдцем, свечой и спичками, Тошка раздает всем присутствующим футболки, все переодеваются, девочки распускают волосы.

ТОШКА. Зажигать?

ОКСАНА. Ты запомнила?

ТОШКА. Да запомнила!

ОКСАНА. Если ты медиум, нужно, чтоб правильно все.

Тошка зажигает свечу.

Комната. Зимой темнеет рано, а потому сумерки. В люльке спит младенец. Четыре девочки и Макся, все в длинных футболках, девочки распустили волосы. На полу разложен лист ватмана, где по кругу нарисован алфавит, цифры и слова «Да» и «Нет». Рядом лежит белое блюдо. Горит свеча.

ТОШКА. Все с себя сняли?

ЛАНКА. У меня ракушка не снимается.

ТОШКА. Покажи.

Ланка показывает висящую на шее веревочку с ракушкой. Пытается ее снять.

ЛАНКА. Видишь?

Тошка разглядывает ракушку.

ТОШКА. Ножницы неси.

ЛАНКА. Нет! Я так не играю!

ТОШКА. Тогда не играешь. Нужно, чтоб ничего не было. Все, иди на кухню. *(Берет блюдо, водит его над свечкой, говорит загробным голосом.)* Вызываем дух...

ЛАНКА. Нет! Подожди! Подожди! Я играю!

ТОШКА. Неси ножницы.

Ланка приносит с кухни ножницы. Тошка перерезает веревочку. На глазах у Ланки слезы. Она прячет разрезанный талисман под подушку.

ТОШКА. Все! Тихо! *(Водит блюдце над свечкой.)* Вызываем дух Александра Сергеевича Пушкина. Вызываем дух Александра Сергеевича Пушкина. Вызываем дух Александра Сергеевича Пушкина. Дух Александра Сергеевича Пушкина, если вы с нами, блюдце, войди вокруг. *(Ставит прокопченное блюдце на ватман.)* Пальцы!

Девочки кладут пальцы на края блюда.

ОКСАНА. Макся, ложи нормально, че ты их суешь?!

ЛАНКА. Можно уже спрашивать? Можно?

ТОШКА. Подожди! Дух Александра Сергеевича Пушкина, если вы с нами, блюдце, войди в круг! *(Оксане.)* Правильно?

ОКСАНА. Вроде...

ЛАНКА. Дух, когда папа придет?

Слышится скрип двери.

ЛАНКА. Мамочки!

ТОШКА. Слышали?

Макся хнычет. Девочки жмутся друг к другу. Слышно, как кто-то заходит в сени, открывается дверь. Ланка прячется под кровать. В дом заходит Светка Лыковка. Ланка кричит.

СВЕТКА. Вы чего?

ТОШКА (*выходит на кухню*). А ты чего?

СВЕТКА. Мамка до завтра стакан сахару просит, дадите?

ТОШКА. Сахару?

СВЕТКА. Сахару...

Тошка достает из буфета пакет с солью, насыпает в стакан. Достает полиэтиленовый пакет, пересыпает в него соль из стакана, протягивает пакет Светке.

СВЕТКА (*пробует из пакета соль*). Вкусный сахар.

Тошка берет ложку, зачерпывает в нее соли, протягивает ложку с солью Светке.

ТОШКА. Если сахар, ешь...

Светка съедает ложку соли, пытается не морщиться.

ТОШКА. Сахар?

СВЕТКА. Сахар.

Тошка зачерпывает в ложку еще соли, опять протягивает Светке. Светка молча ест соль.

ТОШКА. Сахар?

СВЕТКА. Сахар. Спасибо.

ТОШКА. Ты с помойки ела.

Светка собирается уходить. Тошка бьет Светку по лицу.

ТОШКА. Сахар? Сахар?

СВЕТКА. Сахар! Сахар!

Дерутся.

В дом заходит Ирма с пеленками. Молча дает пощечину Тошке. Тошка застывает, смотрит на мать.

ИРМА (Светке). Что хотела?

СВЕТКА. Сахару...

Ирма молча забирает у Светки пакет с солью. Достает откуда-то сахар, насыпает в другой пакет, протягивает Светке. Светка берет сахар, уходит.

Ирма проходит в комнату. Видит ватман, свечу, блюдо.

ИРМА. Это что?

ЛАНКА (из-под кровати). Мы Пушкина вызывали!

Ирма зло пинает блюдце и свечку.

ИРМА. Развели чертей в доме! Постель не застелят! Света, веник взяла, быстро! Тошка, пошла посуду мыть! (Смотрит на Алину, но тут же переводит взгляд.) Оксана, Максим, домой идите, медом тут намазано?

Видит Христа с вымазанными сметаной глазами. Какое-то время стоит, как в ступоре, потом начинает крушить все вокруг – пинает кукольный дом, срывает со стены рисунки, рвет.

ИРМА. Это что? Это что?!

ЛАНКА. Мама, мама, мы хотели, чтоб Боженька не видел! Мам, не надо, не рви! Мы хотели, что Лыковка съела!

Бросается к матери. Ирма отталкивает Ланку, плачет. Выходит из дома, хлопает дверью.

Оксана с Максей спешно собираются, уходят, Тошка идет мыть посуду, Ланка метет пол. Алина сидит у окна, смотрит на дорогу. Встает, подбирает разорванные рисунки, пытается сложить кусочки.

Алина подходит к Ланке. Ланка старательно замечает мусор в совок.

АЛИНА. Пойдем на дорогу смотреть? Вдруг он ночью придет?

Ланка кивает, собирается.

Ланка и Алина, закутанные в шапки и шарфы, сидят на рельсах, смотрят в темноту.

ЛАНКА. А может, весной придет? Скоро весна будет...

Найда вертится вокруг них, как будто все понимает...

Весна

За окном идет дождь. Раннее утро. Девочки спят. Алина спит, обняв Тошкино плечо, и видит сон.

Сон Алины.

Стена за элеватором. Лохматая девочка Светка Лыков-ка строит свой собачатник, разложила ветки по коробкам, вокруг нее сидят несколько собак.

СВЕТКА. Вот вам постелька, собачки... (*Раскладывает ветки по коробкам.*) На веточках спать будете... Подушечки вам вот... (*Раскладывает.*) Мисочки принесу. Кушать будете... Хорошо в собачатнике будет...

Из-за деревьев выходит Алина, смотрит на Светку.

АЛИНА. Собачатник строишь, да?

СВЕТКА. Собачатник, ну... (*Смотрит на Алину.*) А ты чего пришла? Уходи, ты меня помойкой обзывала!

АЛИНА. Это не я, это Тошка.

СВЕТКА. Уходи, говорю!

АЛИНА. Я тоже собачатник... Тоже хочу...

СВЕТКА. Уходи, ну! Щас собакам скажу, загрызут тебя!

АЛИНА. Я – нет... Я тоже собачатник... Тоже хочу...

Светка пристально смотрит на собак, те как по команде окружают Алину, рычат на нее.

Алина стоит, окруженная собаками, дрожит.

АЛИНА. Я – нет... Я тоже собачатник... Тоже хочу...

СВЕТКА. Уходи, я маме скажу, она набьет тебя!

АЛИНА. Я – нет... Я тоже собачатник... Тоже хочу... Я тоже папе... Тоже скажу...

Собаки подходят все ближе, круг становится уже. За деревьями видится фигура в светлом пальто.

АЛИНА. Папа! Папа! Папа-а-а!

Из-за деревьев выходит Костя.

АЛИНА. Папа! Папа! Собаки!

КОСТЯ. Алина, я сейчас, я сейчас, деревья не дают, не пускают, видишь? Я сейчас Найду, Найду позову, она спасет тебя, она собака, она придет... Деревья не пускают, видишь? Деревья... Деревья во всем... А я не могу, я не могу, Алина... Деревья не пускают, деревья не дают... *(Скрывается за деревьями.)*

На Алину кидаются собаки.

АЛИНА. Папа! Папа-а-а!

Но отца уже не видать.

Из-за деревьев выбегает Найда, бежит к Алине. Алина вцепилась в собачью шерсть, плачет. Просыпается.

Тошки и Ланки нет. В люльке спит Николька. Алина прыгивает с кровати, идет на кухню. На кухне Ирма что-то варит.

ИРМА. Проснулась? Там девки велосипед решили покрасить, иди, посмотри... Скоро суп готов будет...

АЛИНА. А папа приедет?

ИРМА *(вздыхает, обнимает Алину)*. Домой хочешь?

Алина кивает.

ИРМА. Скоро... Скоро приедет. Ты, главное, жди... У нас вот тоже папа уехал, мы же не плачем. Скоро приедет, правда-правда... (*Целует Алину.*)

ИРМА. Ну, давай, иди к девчонкам... (*Подталкивает Алину.*) Весело там. Обуйся только.

Алина надевает галоши, накидывает старое пальто, выходит из дома.

В огороде Тошка и Ланка вытащили «крылатый велосипед», разложили гуашь прямо на земле, кисточками раскрашивают велосипеду крылья.

ЛАНКА (*увидев Алину*). Ну, ты спать! Как Николька прям! (*Смеется.*)

АЛИНА. Че это?

ТОШКА. Крылья протухли! С утра встали, а они серые! Мама сказала, красить надо!

ЛАНКА. Краски папины! Видишь, краски? Папины!

ТОШКА (*Ланке*). Ну и куда ты грязной кисточкой? Сначала в воду надо!

Девочки увлеченно раскрашивают крылья велосипеду. Алина садится рядом, берет кисточку, раскрашивает крылья синей краской.

По дороге идет Костя, он одет так же, в руках тот же портфель. Возле дома бегают Найда.

КОСТЯ. Найда? *(Подманивает собаку. Найда рычит. Костя проходит мимо Найды, входит в дом.)*

Ирма все так же варит суп.

ИРМА *(поднимает голову, шепотом, радостно)*. Привет!

КОСТЯ. Галя умерла.

ИРМА. Когда?

КОСТЯ. Послезавтра девять дней. Хотел позвонить... *(Садится, вертит портфель в руках, молчит.)*
Не говорите ей. Не надо... Я сам скажу...

Ирма подходит к брату, обнимает его.

ИРМА. Держись...

КОСТЯ. Как она?

ИРМА. Нормально. С девочками подружилась. Вон – в огороде играют.

КОСТЯ. Сама как?

Ирма пожимает плечами.

ИРМА. Надолго?

КОСТЯ. Завтра поезд. Надо быть там.

ИРМА. За ней?

Костя отрицательно качает головой.

КОСТЯ. Ирма... Есть женщина... Давно... Я не могу. Ирма, пойми...

ИРМА. Не объясняй... *(Пауза.)* Жаль, с Галей так и не познакомились.

КОСТЯ. Водка есть?

ИРМА. Самогон.

Достает из буфета бутылку, разливает самогон по стаканам, себе и Косте.

На подоконнике в баночках с водой растет лук.

ИРМА *(отщипывает лук)*. Закуска.

КОСТЯ. Пусть земля ей будет пухом. *(Крестится. Пьет. Закусывает луком.)*

Алина в огороде раскрашивает крылья велосипеда. Вдруг поднимает голову, прислушивается, бежит в дом.

АЛИНА *(вбегает в дом, видит отца)*. Папа!

Костя обнимает дочь.

КОСТЯ. Наигралась?

Алина прижимается к отцу.

АЛИНА. Домой поедем?

КОСТЯ. Поедем.

АЛИНА. Мама вылечилась?

Пауза.

КОСТЯ. Вылечилась. *(Гладит Алину по голове.)*

КОСТЯ. А мы на качели пойдем сегодня! Ирма, здесь есть качели, аттракционы?

ИРМА. Холодно еще.

КОСТЯ. А мы оденемся потеплее! А мы закутаемся и на качели! Хочешь качаться? Кач-кач, кач-кач...

Берет Алину на руки, подбрасывает. Алина не смеется. Отец неловко ставит дочь на пол. Алина взглядывается в лицо отца.

КОСТЯ. Собирайся! На качелях – кач-кач, кач-кач... *(Наигранно смеется.)*

Парк аттракционов. Закрит. В будке сидит сторожика.

Костя с дочерью подходят к ограде.

АЛИНА. Говорила же, закрыто... Пойдем?

КОСТЯ. А мы откроем! Сейчас папа с тетей поговорит, и будем кататься! *(Стучится в будку.)*

Из окна будки выглядывает пожилая женщина в шали.

ЖЕНЩИНА. Че стучишь? Не сезон еще.

КОСТЯ. Откройте, пожалуйста.

ЖЕНЩИНА. Щас! Особенный?

КОСТЯ. Откройте, пожалуйста. Дочь покатать хочу...

ЖЕНЩИНА. Летом приходи.

КОСТЯ. Откройте, пожалуйста... Пожалуйста, откройте!

Дочь покатать хочу...

ЖЕНЩИНА. Плохо слышишь?

КОСТЯ. Откройте, пожалуйста! Откройте! Откройте, пожалуйста! *(Стучит кулаком по стене будки.)*

ЖЕНЩИНА. Пьяный?

Алина подходит к отцу, берет его за руку.

АЛИНА. Папа, не надо... Пошли. *(Тянет отца за рукав.)*

Костя достает из кармана смятые купюры, сует их женщине.

КОСТЯ. Вот... Вот... Откройте, пожалуйста... Дочь покатай хочю... Вот... *(Протягивает женщине деньги.)* Пожалуйста... Дочь вот покатай...

ЖЕНЩИНА *(смотрит на деньги в руках Кости, качает головой)*. Тихонько заходите.

Костя с Алиной заходят в парк.

КОСТЯ. Куда хочешь? Вон, смотри каруселька какая! Давай туда. *(Подсадил Алину на карусель.)*

КОСТЯ. Сейчас поедем... *(Пристегивает дочь защитными ремнями.)* Вот пристегнемся и поедем. *(Женщине.)* Включите, пожалуйста! Мы на этой вот хотим...

Женщина включает аттракцион, карусель, сделав несколько рывков, начинает набирать обороты. Костя некоторое время смотрит на дочь, машет ей рукой. Затем поворачивается, идет по аллее.

АЛИНА *(с карусели)*. Ты куда? Ты куда, пап? Папа-а-а!

Карусель набирает обороты, кружится все быстрее.

КОСТЯ. Я сейчас... Я сейчас... Сейчас приду...

Ветер в ушах Алины заглушает Костины слова.

Алина в полном одиночестве кружится на карусели – «колокольчике», смотрит перед собой. Карусель, сделав несколько кругов, идет на посадку. Алина отстегивает защитные ремни, выходит за ограду карусели. К ней бежит отец. В руках у него мороженое.

КОСТЯ. Вот... Кушай. *(Протягивает дочери мороженое.)* Куда хочешь? На горки хочешь? На лодочки? На лошадки? На лошадках – иго-го, иго-го...

АЛИНА. Пойдем домой?

КОСТЯ. В кафе хочешь? Пирожные где? В магазин хочешь? В магазине подарки – куклы, с вот такими волосами, пупсы, принцессы... Принцессу хочешь? За принцессой пойдем?

Тянет дочь за руку. Алина идет за отцом.

Алина с отцом сидит в кафе, ковыряет ложкой пирожное. Смотрит в окно. За окном дерутся собаки.

АЛИНА. Светка Лыковка собачатник сделала... Там теперь собаки живут.

КОСТЯ *(кивает)*. Красивые собачки, да?

АЛИНА *(пожимает плечами)*. Собаки как собаки...

Молчание.

АЛИНА. Пап, а мы домой поедем?

Костя молчит. Долго-долго смотрит на Алину. Алина вдруг срывается со своего места, раздетая выбегает из кафе, бежит по улице. Костя выбегает следом.

КОСТЯ. Алина! Алина, ты куда, доченька? Ты куда? Алина! Простудишься!

Догоняет дочь. Алина останавливается, молчит, смотрит на отца.

АЛИНА (наконец). Отвези меня к Ирме.

КОСТЯ. Сейчас... (Надевает на Алину куртку.) Машину поймаем, на машинке кататься хочешь? Подожди, а подарки? А принцесса как же?

Алина пожимает плечами.

КОСТЯ (видит неподалеку ларек с пивом, шоколадом, китайскими игрушками и прочим, идет к нему, говорит в окно). Девушка, нам принцесс бы...

ПРОДАВЩИЦА. Принцессы кончились. Синди брать будем?

КОСТЯ. Это что?

ПРОДАВЩИЦА. Кукла такая... Как Барби, только грудь побольше. Берете?

КОСТЯ. Да... Две дайте. Разных посмотрите там.

Продавищица протягивает Косте двух кукол в упаковках, берет у Кости деньги, лениво отсчитывает сдачу. Костя бежит к Алине. Алина в это время подманила собаку, обнимает ее, целует в грязную морду.

КОСТЯ. Алина, доченька, не надо! Это грязная собачка, микробы там... Микробы, знаешь? Вот, смотри, какие подружки... Красавицы, да? *(Протягивает кукол.)*

Алина молча забирает у отца кукол, не смотрит на них. Отец выходит на дорогу, ловит машину. Останавливается «шестерка».

КОСТЯ. В пригород возьмете?

ВОДИТЕЛЬ. Это куда?

КОСТЯ. Старый город, на Комаровскую, за линию туда...

ВОДИТЕЛЬ О-о-о! Это я сейчас в грязи все устряпаю! Сто двадцать потянешь?

Костя утвердительно кивает, они садятся в машину.

Машина останавливается у железной дороги. Костя и Алина выходят. Алина держит отца за руку. Они входят

в дом. В доме на кухне Ирма кормит ребенка грудью, что-то напевает ему.

ИРМА. Нагулялись?

КОСТЯ. Нагулялись...

ИРМА. Есть будете? Или в городе наелись?

КОСТЯ. Будем. Пока до вас доедешь, если и поел, проголодаешься.

АЛИНА. А Тошка с Ланкой где?

ИРМА. В огороде. Все никак велосипед свой докрасить не могут. *(Косте.)* Да я сегодня старые краски Стешика нашла, вот, говорю, девки, хоть велосипед покрасьте – и то дело, все дома будут. А то на уголь убегут, измажутся, хуже парней...

Кладет ребенка в люльку. Раскладывает еду по тарелкам.

Алина с куклами в руках выбегает из дома.

ИРМА *(вслед)*. Алина, поешь сначала!

Алина прибегает в огород. Тошка и Ланка все так же сидят, раскрашивают крылья велосипеда уже пятым или шестым слоем краски.

ТОШКА. Алина! На каруселях каталась, да?

ЛАНКА. Мы тоже с папой на карусель пойдём! Летом только.

Алина протягивает девочкам куклы.

АЛИНА. Это вам. От папы моего.

ЛАНКА (*хватает свою куклу, сдирает упаковку*). Красивенькая...

ТОШКА. Тебе тоже купили, да?

АЛИНА. Нет. Мне не купили.

ТОШКА. Почему?

АЛИНА. Не захотела потому что.

ТОШКА. Тебе наша мама куклу сшить может, хочешь? Она нам Чебурашку сшила...

ЛАНКА. Только мы разорвали его тогда!

ТОШКА. Это Макся разорвал!

ЛАНКА. Ты тоже рвала! Ты ему не давала еще!

ТОШКА (*Алине.*) Домой завтра поедешь, да?

АЛИНА. Поеду.

Берет кисточку, начинает раскрашивать крылья велосипеда.

Темнеет. В огород выходит Ирма.

ИРМА. Девки! Есть и спать.

ТОШКА. Ма! Рано еще!

ИРМА. Никаких рано, я сказала! Домой давайте.

Девочки заходят домой. Едят. Ложатся спать.

ТОШКА (*раздеваясь*). Не хочу я спать! Детское время еще, папа был, мы только баню еще топили... Спать! Еще Никольке даже не спать... (*Укладывается на верхнем ярусе, говорит Алине.*) Зубами не скрипи только, ладно? А то я боюсь тогда...

Вечер. Костя стоит на крыльце, курит. Выходит Ирма, тоже закуривает.

КОСТЯ. Уснули?

ИРМА. Кое-как. Рано им еще...

КОСТЯ. Не надо ей видеть...

ИРМА. В общем, я тоже не каменная, Костяшка...

КОСТЯ. Пусть все уладится... Она не может. Там двое.

ИРМА. У меня трое. (*Подумав.*) Четверо.

КОСТЯ. Я приеду.

ИРМА. Когда?

КОСТЯ. Летом... Не знаю... Я позвоню...

Молчат. Костя докуривает, бросает окурок под крыльцо, где лежит прошлогодняя рыжая листва.

КОСТЯ. Ну все, поехал... (*Садится на крыльцо.*) Посидим на дорожку. (*Встает, идет к калитке. Вдруг останавливается.*) Косы не остригайте. Нехорошо без кос...

Алина просыпается от стука калитки. Спрыгивает с кровати, подбегает, смотрит в окно. Видит темный удаляющийся силуэт. Слышно, как в дом вошла Ирма, взяла ведро и снова вышла. Алина кое-как одевается, достает из шкафа красный рюкзак, выбегает с ним из дома. Бежит по «железке». Но не за отцом, а в другую сторону. Долго-долго... У кустов сирени останавливается, сбегает по насыпи. Руками разгребает черный песок. Выкопав яму, кладет туда рюкзак, закапывает. Ложится на холмик, лежит, смотрит в темное небо, на мерцающие огоньки элеватора. Где-то завывли собаки.

Ночь или раннее-раннее утро. Алина бредет по железке. В руках у нее длинная ветка, которую она ведет за собой по шпалам, отчего те дребезжат. Слышны крики. Алина подходит к дому и замирает. Дом горит. У калитки стоят Тошка с младенцем на руках и Ланка, рядом скулит Найда. Девочки растрепаны, одеты в куртки и сапоги взрослых. Рядом с ними лежит дорожный рюкзак Стешика. Через минуту из калитки выбегает и сам Стешик, держит за шкуру кота.

ЛАНКА. Мне!

Стешик, как вещь, бросает кота на руки дочери. Выбегает Ирма.

ИРМА. Под кроватью смотрел?

СТЕШИК. Нет ее!

ИРМА. В шкафу, под столом, смотри!!!

Стешик опять убегает в горящий дом.

ИРМА (*стучит в окна дома, закрывая голову от падающих искр*). Алина! Алина!

Алина выбегает к дому.

АЛИНА. Ирма!

ИРМА (*не слышит ее, продолжает стучать в окна*). Алина! Алина!

Алина подбегает к Ирме. Ирма, увидев Алину, цепляется в нее и долго-долго не отпускает...

Из дома выбегает Стешик. В руках у него коврик с Христом. Сметана на лице Христа давно засохла и как будто запеклась в уголках глаз.

СТЕШИК. Нет ее! Нет! Ирма!

Видит Ирму, обнимающую Алину. Подбегает к ним, обнимает Ирму, целует Алину.

ЛАНКА (Тошке). Велик! Блин! (Выпускает из рук Барсика, бежит в огород.)

ИРМА. Ланка, куда?! Куда!?

Но Ланка уже не слышит. Она прибежала в огород, вытаскивает крылатый велосипед за ограду.

ЛАНКА. Вот! Он тоже! Он с нами! Вдруг сгорит?

Оксана и Макся стоят чуть поодаль, у своей калитки. Смотрят на пожар. Макся от волнения сосет палец.

ОКСАНА (не глядя на брата). Сопли вытри. (Вытирает ему нос рукавом.)

Из соседнего дома к дому Ирмы и Стешика бежит женщина.

ЖЕНЩИНА. К нам! Детей уведите! К нам! К нам давай-те! Дождешься их тут! (Грозит кулаком куда-то в сторону. Хватает Ланку за руку, тащит за собой.)

Тошка с младенцем на руках идет следом.

Женщина и дети тоже входят в дом. В углу стоит Светка Лыковка, опасливо смотрит на Тошку.

ЖЕНЩИНА (*Светке*). Вот. У нас теперь поживут. Чем встала?! Постели стели, полночи не спали!

Светка послушно идет в комнату, расстилает широкий диван.

ТОШКА (*подходит к Светке*). Давай тоже?

СВЕТКА. Не надо.

ТОШКА. Ты в школу тоже в этом?

СВЕТКА. Ну...

ТОШКА. Да давай, постель не стелила, что ли? (*Принимается помогать Светке.*)

ТОШКА. Пожар наш видела?

СВЕТКА. Ну...

ТОШКА. Ланка насяла даже... Крутой пожар был, да?

Светка молчит.

ТОШКА. У тебя домик есть?

СВЕТКА. Есть.

ТОШКА. Где?

СВЕТКА. Под столом.

ТОШКА. Покажь?

СВЕТКА. Обзывать не будешь?

ТОШКА. Не... Хочешь поклянусь?

СВЕТКА. Не надо.

Тошка, Светка, Ланка и Алина залезают под стол, до пола накрытый скатертью.

ТОШКА (осматривается). Круто! (Пауза.) Собачатник свой сделала?

СВЕТКА. Сделала. Постельку, подушечки еще, одеяло вчера притащила...

ТОШКА. Еще мисочки принести можно...

СВЕТКА. Я приносила. Пацаны украли...

ТОШКА. Завтра бить пойду их уже!

СВЕТКА. Я им кашу варю каждый день... Они меня теперь знают, не лают...

ТОШКА. Ты им скажешь, чтоб на нас тоже не лаяли?

СВЕТКА. Скажу. Они меня теперь знают, слушаются...

За окном идет дождь, превращающийся в ливень. Девочки притихли. Слушают, как стучат капли по крыше.

В огороде возле полубогоревшего дома под дождем стоят двое – Стешик и Ирма. Рядом сидит Найда, жметя к ногам Стешика.

ИРМА. Проводил папу?

СТЕШИК. На могилке постоял.

ИРМА. А мама?

СТЕШИК. Работает...

Молчат.

ИРМА. Как художники твои?

СТЕШИК. Так же.

ИРМА. Жалеешь, что бросил?

СТЕШИК. Нет. *(Пауза.)* Ты как?

ИРМА *(пожимает плечами)*. Устала. Сильно устала...

Сильно.

СТЕШИК *(обнимает Ирму)*. Ну, чего ты? Совсем расклеилась... Ты же сама этого хотела – дети, дом...

ИРМА. Дом – сгорел.

Молчание.

СТЕШИК. Дети-то живы...

ИРМА *(пауза)*. Лето скоро...

Молчат. Смотрят друг на друга.

Лето

По пыльной дороге бегут пять девочек, катят крылатый велосипед. Обгоревшие, раскрашенные всеми цветами крылья хлопают на ветру. Тут же несется Найда, путается у всех в ногах, лает. Девочки смеются. Позади всех бежит подросток Макся, на ходу ковыряясь в носу, что у него, кстати, очень ловко получается.

Я не вернусь

Киносценарий

1

Небольшая комната. Кровать, полка, заваленная книгами. Среди книг – много словарей и энциклопедий. В кровати спит АНЯ – очень хрупкая красивая девушка. Светлые волосы разметались по подушке, тонкая рука обнимает плюшевого зайца. Звонит телефон, лежащий возле кровати. Звонит долго и надсадно. АНЯ, не открывая глаз, шарит рукой по полу, пытаясь нащупать телефон. Наконец находит, нажимает кнопку ответа.

АНЯ. Алло?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Ань, привет, просыпайся, все очень срочно.

АНЯ. Я сплю. Кто это?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Это Герман. Помнишь меня?

АНЯ. Конечно, помню. Ты чего в такую рань?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Ленина посадили.

Аня резко садится на кровати.

АНЯ. Как посадили?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Жду через полчаса на районе, возле остановки...

Длинные гудки. Плюшевый заяц смотрит на Аню пустыми круглыми глазами-пуговицами.

2

Небольшая улица. Дорога. Остановка. Ларек. Идет дождь. Аня в плаще и длинном цветастом шарфе и Герман – сутулый парень в капюшоне, натянутом до самых глаз, стоят за остановкой, курят, разговаривают.

АНЯ. Герман, зачем?

герман. А зачем ты им? Ты не их, не из их компании, тебя просто показали, просто порекомендовали... А теперь нужно сдать кого-то, чтоб скостить срок. Почему не тебя? Тебя им не жалко, за тебя ничего не будет.

АНЯ. Герман, что теперь?

герман. Дура ты. Зачем ты этим вообще начала заниматься? У тебя же вроде все есть... Ну? Денег хотела?

АНЯ. Что ты мне тут проповедаешь? Знаешь, сколько аспирант получает?

герман. Интеллигентка сраная... Сядешь теперь, а сядешь – помрешь, на зоне такие умные, как ты, не выживают...

Пауза.

АНЯ. А я в Америку уезжаю.

ГЕРМАН. Куда?

АНЯ. В Америку. На стажировку. Доклад делать.

ГЕРМАН. Какой доклад?

АНЯ. По Мамину-Сибиряку.

ГЕРМАН. Зачем американцем знать про Мамина-Сибиряка?

АНЯ (*пожимает плечами*). Не знаю. Любят.

ГЕРМАН. Ань, какая Америка, ты что, не понимаешь? (*Щелкает пальцами у нее перед лицом.*) Ань, через два часа в твоей квартире будут менты. Менты, понятые, следаки.

АНЯ. Я не храню дома.

ГЕРМАН. Какая разница? Тебя сдали. И опознают.

АНЯ. Зачем ты мне это рассказываешь?

ГЕРМАН. Клуб помнишь? Я тебе говорил тогда.

АНЯ. Я пьяная была, да?

ГЕРМАН. Укуренная. Я сказал, что куда угодно с тобой.

АНЯ. А я?

ГЕРМАН. А ты спросила, сколько я получаю.

АНЯ. Дура. (*Пауза.*) Поможешь мне?

ГЕРМАН (*качает головой*). Нет. Я безработный. Ну, зачем ты в это...?

Пауза.

АНЯ. Я его любила...

3

Аудитория. За окном – май. Несколько десятков студентов сидят за партами, что-то записывают в конспекты. Среди них Аня. У доски стоит Люциус, или Андрей Данилович, – совсем еще молодой преподаватель. На нем футболка с Че Геварой, джинсы, длинные волосы заплетены в хвост.

ЛЮЦИУС. Так, ну что, значит, встречаемся теперь на зачете... Я жду от вас рефераты. Все, до пятнадцатого тогда, все свободны.

В аудитории становится шумно, студенты складывают конспекты в сумки и рюкзаки, беспокойной толпой покидают аудиторию. Аня медлит. В кабинете остаются она и Люциус. Люциус закрывает дверь на щеколду, Аня подходит к нему, смотрит на него. Люциус обнимает Аню, целует.

АНЯ. Люциус, я соскучилась...

ЛЮЦИУС. Никогда не говори такого мужчине.

АНЯ. Почему? Я же соскучилась.

ЛЮЦИУС. Они теряют интерес.

АНЯ. Не верю.

Сильнее прижимается к преподавателю, целует его.

ЛЮЦИУС. И прекрати смотреть на меня таким взглядом на лекциях.

АНЯ. А что?

ЛЮЦИУС. Догадайся, что...

Аня пытается поцеловать его, Люциус отстраняется.

ЛЮЦИУС. Ань, дело есть... Поговорить надо.

АНЯ. Говори.

ЛЮЦИУС. Только это строго между нами, о, кей?

АНЯ. У нас и так сплошное между нами. О, кей.

ЛЮЦИУС. Ты Ленина знаешь?

АНЯ. С дредами который?

ЛЮЦИУС. Который. С зимы зачет мне должен. В общем, он предложил работу. Я этим заниматься не буду, понимаешь... Нужно раскидать три килограмма соломы. Деньги хорошие. Очень хорошие. У тебя же проблемы с этим?

АНЯ. Нет. Сразу нет.

ЛЮЦИУС. Я не настаиваю. Просто... Ты же всех здесь знаешь, за неделю управиться можно.

АНЯ. Ага, и в тюрьме сидеть потом?

ЛЮЦИУС. Почему сразу в тюрьме? Ты же сама берешь, знаешь всю эту систему...

АНЯ. Я ж не килограммами. Так, покурить...

ЛЮЦИУС. Смотри сама. Ты ведь заканчиваешь, из общаги выселят. Комнату нужно искать.

АНЯ. А ты...

ЛЮЦИУС. Ань, говорили ведь. У меня дочке три скоро.

АНЯ. Ты же ее не любишь.

ЛЮЦИУС. Ее – нет... Дочку бросить не могу.

АНЯ. Ладно, пока... У меня пара сейчас.

Люциус обнимает Аню.

ЛЮЦИУС. Анька! Ну, хватит грустить! Все хорошо будет, вот увидишь... Мы тебя в обиду не дадим!

Берет Аню на руки, кружит с ней по аудитории. Аня смеется.

4

Аня идет по городу. Останавливается у ларька, покупает пиво.

ПРОДАВЩИЦА. Девушка, вам восемнадцать есть?

АНЯ. Есть.

ПРОДАВЩИЦА. Паспорт можно посмотреть?

Аня роется в сумке, достает паспорт, безучастно протягивает его продавщице, продавщица внимательно изучает Анин паспорт, наконец отдает его обратно вместе с бутылкой пива.

ПРОДАВЩИЦА. Молодо выглядите, девушка... А то, бывает, придут бабищи такие – накрашенные, мат на мате, знаете... А следом проверка – продажа алкоголя несовершеннолетним. Так я откуда знаю, что несовершеннолетние? С виду, тетки мордастые...

Аня, не дослушав продавщицу, уходит.

Идет, пьет пиво. Достает из кармана телефон, медленно пролистывает справочник, всматривается в каждое имя, раздумывает. Кладет телефон обратно в карман. Заходит в какой-то школьный двор. Мальчишки-пятиклассники играют в футбол, кричат, смеются. Аня садится на скамейку неподалеку, закуривает. Наблюдает за футболистами. К Ане подходят четыре девочки-старшеклассницы.

ПЕРВАЯ. Герла, ты новенькая у нас или как?

АНЯ. Нет. Я просто тут.

ВТОРАЯ. Из девятого что ли?

АНЯ. Девочки, отвяжитесь, а? Я сейчас уйду уже.

ВТОРАЯ. Смотри-ка, молодая, а борзая. Ты как с одиннадцатым разговариваешь, малолетка?

АНЯ. Чувихи, мне двадцать пять лет, я в университете преподаю. Ясно вам?

ТРЕТЬЯ. Че гонишь? Учителка нашлась.

ПЕРВАЯ. Герла, я так, если что, у нас курят за столовкой, поняла? А то ты тут смолишь, а кипиш на нас погонят. Тут дети, видишь? Им никотин вредно нюхать.

Старшеклассницы смеются. Аня встает со скамейки, уходит. Идет, проходит мимо зеркальной витрины магазина. Вдруг резко останавливается, долго смотрит на свое отражение.

5

Аня в секунд-хенде. Ходит между рядами вешалок, выбирает одежду.

Аня выходит из примерочной в каких-то старых подростковых джинсах и оранжевой куртке, на голове у нее рэперская шапочка.

На кассе.

АНЯ. Посчитайте.

ПРОДАВЕЦ. На вас прям?

АНЯ. На мне. *(Протягивает ценники, оторванные от одежды.)*

ПРОДАВЕЦ *(считает на калькуляторе)*. Тысяча двена-

дцать рублей.

Аня отсчитывает деньги, расплачивается.

ПРОДАВЕЦ А вещи ваши где? Давайте, в пакетик сложу?

АНЯ. Не надо. Они там, в примерочной. Вам бы плащ пошел...

Выходит из магазина.

6

Аня идет по городу. В одном из дворов два мужика жгут осенние листья. Аня подходит к костру, достает из своей сумочки деньги, перекладывает их в карман куртки. Сумку бросает в костер. Смотрит, как та обугливается и исчезает в языках пламени. Мужики смотрят на Аню, один из них вертит пальцем у виска.

7

Вокзал. Все люди спешат куда-то, тащат сумки и рюкзаки, разговаривают на русском, татарском, узбекском, просят милостыню, становятся жертвами катал, пьют пиво, знакомятся, опаздывают на поезда – да мало ли чем можно заниматься на вокзале.

Аня встает невдалеке от двух милиционеров.

Постояв немного, она подходит к одному крупному и почтенному мужчине.

АНЯ. Дяденька, подайте на хлебушек, кушать хочется...

Мужчина не смотрит на нее, выгребает из кармана какую-то мелочь, отдает ей.

Аня точно так же подходит к пожилой женщине, та с тем же равнодушием дает ей деньги.

Аня замечает стоящую недалеко молодую девушку довольно вульгарного вида, идет к ней.

АНЯ. Тетенька, дайте на хлебушек, кушать хочется...

ДЕВУШКА. Эпф, ты че? Попутала? Иди работай!

АНЯ. Меня не берут – у меня документов нет.

ДЕВУШКА. Че, не знаешь, как без документов работать? *(Оцениваяюще смотрит на Аню.)* Хотя – да, тебя не возьмут.

АНЯ. Денег давай.

ДЕВУШКА. Эпф, слышь, ты че со мной так разговариваешь? Подружку нашла?

АНЯ. Денег давай. *(Подумав.)* Сука.

ДЕВУШКА. Эпф, ты че? Крыша совсем ку-ку?

АНЯ. Проститутка. Курва. Стерва.

ДЕВУШКА. Эпф, ты...!!!

С этими словами девушка кидается на Аню, Аня даже

и не пытается защищаться, она лишь громко кричит. К дерущимся девушкам бегут милиционеры. Девушка «Энф», заметив стражей порядка, предпочитает ретироваться. Аня стоит на месте.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Так, документы есть?

АНЯ. Нет.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Ты вообще местная?

АНЯ. Нет.

ВТОРОЙ МИЛИЦИОНЕР. Лет сколько?

АНЯ. Четырнадцать.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Родители где?

АНЯ. Папа не знаю, мама меня выгнала.

ВТОРОЙ МИЛИЦИОНЕР. Это как?

АНЯ. А так, на улицу, я проституткой работать не хотела, вот она и погнала меня.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР. И сколько ты на улице уже?

АНЯ. Почти год.

ВТОРОЙ МИЛИЦИОНЕР. А сама откуда?

АНЯ. Да... Из поселка одного.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Ну, как поселок-то называется?

АНЯ. А... Андреево. Только мамы там уже нет, она с одним дядей в Москву уехала. А... Я туда приходила, мне соседи так сказали.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР. А с этой чего? (*Кивает в сто-*

рону, куда убежала девушка.)

АНЯ. Она меня первая... Говорит, катись отсюда, не твоя территория.

ВТОРОЙ МИЛИЦИОНЕР. Понятно. Стой здесь.

Милиционеры отходят в сторону, Аня послушно стоит на месте.

ПЕРВЫЙ (*Второму*). Ну что?

ВТОРОЙ. Давай в детприемник, там разберутся.

ПЕРВЫЙ. Давай. (*Ане.*) Девочка!

АНЯ (*подходит к милиционерам*). Что?

ВТОРОЙ. Садись в машину, поехали.

АНЯ. А куда?

ВТОРОЙ. Давай, садись, не бойся.

АНЯ. Вы меня в тюрьму, да?

ВТОРОЙ. Говорю тебе, не бойся, ни в какую тюрьму тебя никто не повезет. Садись, садись... (*Подталкивает ее к дверям машины.*)

8

Аня сидит в казенном медицинском кабинете на стуле, перед ней сидит женщина огромных размеров. Одной рукой она подперла подбородок, другой быстро пишет что-то в личном деле, иногда жалостливо поглядывая на Аню.

ЖЕНЩИНА. Девочка, как тебя зовут?

АНЯ. Аня.

ЖЕНЩИНА. А фамилию знаешь свою?

АНЯ. Да. Аня... Аня... Аня...

ЖЕНЩИНА. Анечка, я говорю сейчас про фамилию, как у родителей фамилия была?

АНЯ. Аня... Аня... Турбина.

ЖЕНЩИНА. Та-ак, умница. А лет тебе знаешь сколько?

АНЯ. Четырнадцать. Недавно исполнилось.

ЖЕНЩИНА. Хорошо. А когда?

АНЯ. Второго октября.

ЖЕНЩИНА. Анечка, второе октября – это сегодня.

АНЯ. Сегодня и исполнилось.

ЖЕНЩИНА. Так у тебя день рождение. Да бедная ты моя... С праздником, ласточка!

Через стол тянется к Ане, обнимает ее, целует. Аня украдкой вытирает рукавом щеку.

ЖЕНЩИНА. Ой, поубивала бы родителей таких... Ладно, про день рождение потом. Значит, год рождения – девяносто четвертый?

АНЯ. Да.

ЖЕНЩИНА. Очень хорошо, Анечка. А теперь расскажи мне, где твоя мама?

АНЯ. Мама уехала с дядей в Москву.

ЖЕНЩИНА. А тебя не взяла?

АНЯ. Нет. Она меня из дома выгнала. *(Пауза.)* Еще проституткой заставляла работать. Я не стала.

ЖЕНЩИНА. Очень хорошо. Анечка, а теперь подумай и вспомни – у тебя есть еще родственники, кроме мамы? Не торопись, подумай хорошенечко.

АНЯ. Нет. Родственников нет.

ЖЕНЩИНА. Хорошо. Анечка, давай с тобой сейчас поиграем в такую игру – я буду говорить слово, а ты другое слово, которое у тебя ассоциируется с моим словом. Знаешь, что такое ассоциация? Ассоциация – это смотри, например, собака – она какая?

АНЯ. Динго.

ЖЕНЩИНА. Нет, Анечка, смотри – собака, она какая? Подумай хорошенечко.

АНЯ. Злая.

ЖЕНЩИНА. Вот умничка! Очень хорошо. Давай, начинаем. Дерево.

АНЯ. Одинокое.

ЖЕНЩИНА. Молодец! Девочка.

АНЯ. Маленькая.

ЖЕНЩИНА. Умница! Ручка.

АНЯ. Перо.

ЖЕНЩИНА. Ну, хорошо... Какое перо, как у птичек?

АНЯ. Письменное.

ЖЕНЩИНА. Ага... Теперь, Анечка, я буду говорить

быстрее, и ты тоже отвечай быстрее, не думая. Хорошо?

Дальнейший их диалог происходит в очень быстром темпе, с каждым словом все ускоряясь и ускоряясь.

ЖЕНЩИНА Город.

АНЯ. Большой.

ЖЕНЩИНА. Сад.

АНЯ. Вишневый.

ЖЕНЩИНА Травка.

АНЯ. Дорогая...

ЖЕНЩИНА. Счастье

АНЯ. Не бывает.

ЖЕНЩИНА. Горе

АНЯ. От ума.

ЖЕНЩИНА. Так, Анечка. Очень хорошо. Ты сколько классов полных закончила?

АНЯ (*подумав*). Восемь.

ЖЕНЩИНА. Замечательно. Сейчас, девочка, тебя посмотрят врачи и отведут в твою комнату. На сегодня наше занятие закончено, мы встретимся с тобой... (*Смотрит на настольный календарь.*) Когда, когда, когда... В четверг. И давай с тобой дружить? Да? Если вдруг у тебя будут какие-то проблемы, обращайся ко мне, договорились? Да?

АНЯ. Да.

ЖЕНЩИНА. Ну все, Анечка, до четверга.

Женщина встает со стула, грузно идет к двери. Выходит в коридор, заглядывает в соседний кабинет.

ЖЕНЩИНА. Людмила Алексеевна, вот карта Ани Турбиной, заберите, пожалуйста. Нет, олигофрении нет, ЗПР тоже, очень умная девочка... Я там написала все. Ага, до завтра.

9

Аня в казенном халате и тапочках идет по длинному коридору. Впереди нее идет бабушка-санитарка. Стены выкрашены больничной синей краской и уже сами по себе нагоняют тоску. Санитарка останавливается у одной из дверей.

САНИТАРКА. Сюда, девочка...

Они входят в небольшую комнату. Четыре кровати. У окна стоят три девочки лет тринадцати-четырнадцати, курят в открытую форточку. Это Кристина, Кошка и Верка. Кристина – маленькая и тощая, Кошка – высокая и худая, Верка, наоборот, плечистая и здоровая.

САНИТАРКА. Так! Кому не курить, сказала! Ну-ка, ну-ка, соски свои побросали!

ВЕРКА. Баушка, отвянь!

Девочки неохотно тушат сигареты.

САНИТАРКА. О! Ты как со взрослыми разговариваешь? Нашла себе баушку... (Ане.) Сюда, девочка. (Кивает на незаправленную кровать у окна. В изголовье лежит комплект чистого постельного белья.) Постель заправляй, а халд этих не слушай. Ты вон какая бледненькая, болеешь, наверное... (Девочкам.) Услышу, что обижаете...

ВЕРКА. Баушка, все! Никто ее не тронет! Пожрать бы принесла лучше.

САНИТАРКА. Пожрать ей... Жопу вон каку отрастила!

Хлопает Верку по задку, выходит. Девочки с интересом смотрят на Аню. Долгая пауза.

АНЯ (наконец). Аня.

ВЕРКА. Верка. (Показывает на девочек.) Это Крестя и Кошка.

КОШКА (манерно). Я и сама представиться могу. Кошка. Можно Марго.

ВЕРКА. Пожрать есть че?

АНЯ. Не, нету...

ВЕРКА. Что ж ты так? Бродяжничала?

АНЯ. Да.

ВЕРКА. А не похоже. Морда вон какая чистая.

АНЯ. Я недолго.

ВЕРКА. Понятно. Вокзальных знаешь кого? Черепа, Простуду, Коня?

АНЯ. Не... Я...

ВЕРКА. Понятно. Мелкая сошка...

КОШКА. Все, девчат, давайте спать, а то завтра круги под глазами...

ВЕРКА. Посмотрите на нее, звезда подиума!

КОШКА. Между прочим, меня во Францию на показы звали!

ВЕРКА. На Тверскую тебя звали ноги раздвигать! (*Смеется.*)

Аня нерешительно начинает заправлять свою постель.

10

Сон-воспоминание Ани.

Конференц-зал в университете. Люди – в основном это преподаватели университета, расходятся после какого-то заседания, складывают папки и записные книжки в портфели и сумки. Аня стоит с толстой синей папкой в руках. К Ане подходит Люциус.

ЛЮЦИУС. Нюта, с кандидатской тебя... Поздравляю.

АНЯ (*шепотом*). Люциус! Ты мне что, бойкот объявил?
Я тебе звонила раз сто!

ЛЮЦИУС. Аня, тише...

АНЯ. Мы отметим?

ЛЮЦИУС. Сегодня никак, у дочки бронхит...

АНЯ. Давай на днях...

ЛЮЦИУС. Давай потом? Алексей Феликсович, подождите...

Люциус стремительно идет к солидному мужчине в пиджаке, о чем-то говорит с ним, они вместе выходят из зала. Аня остается стоять в полном одиночестве. Кто-то, выходя, поздравляет ее с защитой кандидатской диссертации, Аня рассеянно кивает в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.